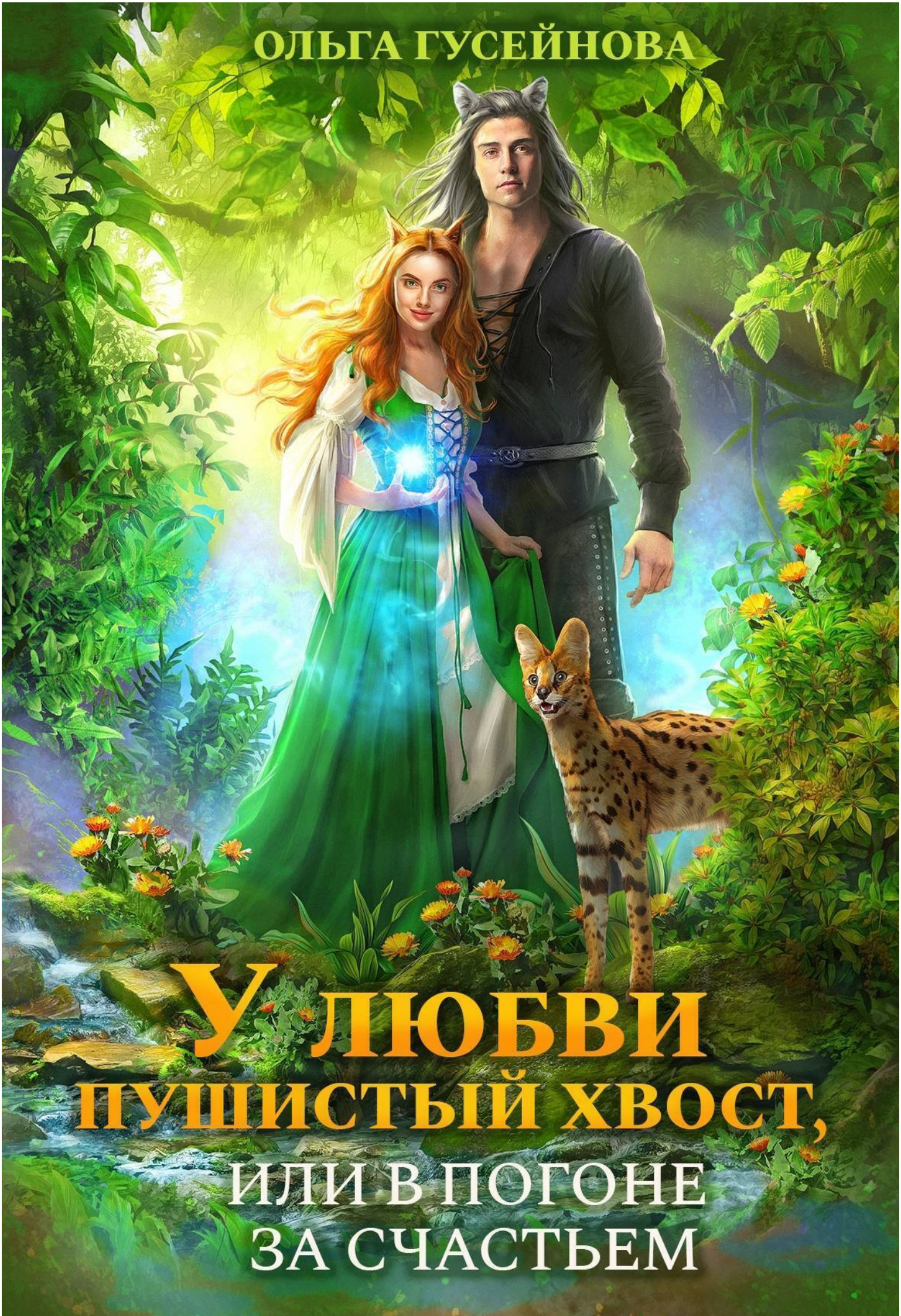
ОЛЬГА ГУСЕЙНОВА
У любви пушистый хвост,
или в погоне за счастьем

Звезды романтического фэнтези

Ольга Гусейнова

У любви пушистый хвост, или В погоне за счастьем

«Автор»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гусейнова О. В.

У любви пушистый хвост, или В погоне за счастьем /
О. В. Гусейнова — «Автор», 2018 — (Звезды романтического фэнтези)

ISBN 978-5-17-111083-3

Если коварные родственники не думают о твоем личном счастье, более того, рьяно ему мешают, значит, пора взять дело в свои руки. И вперед, в погоню за счастьем! И не важно, что на твоем пути происки целого клана, который боится потерять ценную знахарку, воинственный князь и подол женской юбки, что цепляет на себя все неприятности. Ничего! Сбежим, обольстим, а юбку и вовсе заменим на штаны, тем более в них пушистому хвосту гораздо удобнее заметать за хозяйкой следы.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-111083-3

© Гусейнова О. В., 2018
© Автор, 2018

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 11
Глава 3 18
Глава 4 23
Глава 5 30
Глава 6 36
Глава 7 41
Глава 8 47
Глава 9 54
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Ольга Гусейнова
У любви пушистый хвост, или В погоне за счастьем

© О. Гусейнова, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Хочу выразить огромную благодарность своим любимым помощницам: Вере Борисковой за редактуру этой книги и моей сестре Юлии.

Вы – мои главные музы и вдохновительницы на литературные подвиги!

Глава 1

Гул нескольких голосов, донесшийся из большой нижней повалуши, только порадовал – все собрались. Пропустила я момент, когда первые лица клана прошли туда важные вопросы решать. Ну ничего, подожду, когда выйдут, а у самой все поджилки трясутся, ведь одно – задумать, а другое – сделать это самое задуманное. Дело мне предстоит неслыханное и потому пугающее до дрожи в коленках. Сердце бьется пойманной птицей, кровь приливает к щекам, а руки холодеют и не хотят слушаться.

Судорожно вздохнув, я проверила свою одежду: свободный сарафан длиной в пол и унылый синий плат из плотной ткани, который положено носить несозревшим самкам-малолеткам, полностью скрывающий фигуру до пояса, а руки – по локоть. Мало того, лицо по самые глаза прикрывает, только для ушей прорези оставлены. Без ушей нам никак. Одна поблажка – закрепляют это безобразие на голове яркой лентой с бусинками, вышивкой, подвесками. У кого на что выдумки и денег хватает, ну или кому что родителями дозволено.

Так, веревка к подолу пришита незаметно: уж я постаралась, чтобы не было видно ни стежочка. В сотый, наверное, раз дернула за веревку – и подол сарафана задрался вверх, открывая спрятанную под широкими складками нижнюю тонкую рубашку, выгодно облегающую женские изгибы моего тела. Вот это «сокровище» я и хочу показать всем мужчинам, собравшимся за массивной деревянной дверью. А то мало того что засиделась в девках, так еще вынуждена носить опостылевший большой платок.

В повалуше отчего-то слишком громко зашумели, подстегнув меня поторапливаться. Опасливо огляделась по сторонам: добротная лестница, ведущая на первый ярус; резные балясины вдоль площадки второго яруса, где находятся светлица и покоевые горницы, наши и для гостей, которыми за годы правления брата редко пользовались; потемневшие от времени деревянные панели и надежные потолочные балки. Меня они точно выдержат.

Солнечный свет, проникающий в высокое узкое окно у лестницы, отражается от огромной круглой люстры, которую я якобы собралась чистить от свечного нагара – брат мой может себе позволить подобное дорогое и «прожорливое» освещение. Положила тряпки, туес с чистящим порошком, скребок, чтобы потом оправдаться перед братом, что работала в поте лица. И вообще, вся в делах и заботах исключительно о его доме, благоденствии и спокойствии. И ни о чем худом или – не дай Луна! – сугубо своем, считай, бабском, не думаю! Ни-ни!

Приподняв подол, я легко запрыгнула на перила. Держась за столб, подпирающий потолок, подтянула к себе люстру и накинула веревочную петлю на специальный крюк. Заранее не единожды все продумала: если аккуратненько упасть, то есть спрыгнуть, то повисну как раз под ней – бедненькая, неуклюжая, сдуру… ой, нет, по недоразумению попавшаяся в ловушку собственной одежды. Зато полуобнаженная, красивая, фигуристая и… желанная. Вот! Холостяки среди тех, что сейчас разговаривают в повалуше, еще остались. Может, хоть один да позарится. Такие мечты и надежды снедали меня последние несколько дней.

Затаив дыхание, я прислушалась к гулу голосов. О чем конкретно говорят уважаемые представители клана в кои-то веки за плотно закрытой дверью не разобрать, хоть на слух не жалуюсь. Но грозный рык моего брата Амаля ни с чьим не перепутать. С него станется, мог бы и дальше просторной передней никого не пускать, что делал обычно, когда приближенные клановцы по одному с докладами являлись.

Да видно, сегодня не тот день. Впрочем, мне только на руку. Как вчера услыхала, что всех позвали на важную и, теперь убедилась, не для всех ушей встречу, так и начала готовиться. Интересно, о чем они там сейчас спорят? Ох, не по нраву мне это, не по нраву! Сдается, братец рычит по поводу дани, которой обложил наш клан новоявленный князь Валиан Север-

ный, потому как накануне его поверенный прибыл. Важный ата, остановившийся на постоялом дворе.

Пару месяцев назад закончилась война, после которой большая часть кланов, стоявшая под другими знаменами, была вынуждена присоединиться к Северному. Княжество небольшое, но планы у его светлости Валиана – великие, раз, поговаривают, на королевство замахнулся. Мысленно я пожелала ему подавиться, как вслух частенько шипел мой старший грозный брат. Волки ненавидят ограничение свободы, а Северный явно решил затянуть удавку на нашей шее.

Неожиданно в повалуше притихли, видно, закончили, сейчас разойдутся. Пробил мой заветный час! Еще раз дернув веревку, зацепленную за крюк, приготовилась. Дверь отворилась, но не полностью, чья-то сильная рука придержала ее. Донесся незнакомый, вкрадчивый мужской голос:

– …Согласно указу его светлости князя Валиана Северного, ваш клан обязан представить ко двору на смотрины в качестве невесты незамужнюю девицу, не вдову, из семейства ближнего наследуемого круга…

– Это невыполнимо! Нет у нас свободных женщин по таким запросам. Да и какая здоровая самка останется в девицах к детородному возрасту? – раздался зловещий, надтреснутый голос Амаля.

Отдавать что-либо он ненавидел всеми фибрами души.

– Я поверенный его светлости, а не гадалка! И на вашем месте сделал бы все возможное, чтобы без проволочек исполнить волю князя. Тем более воевали вы на стороне его врагов, и только несколько недель назад присягнули на верность.

– Помимо присяги мой клан платит дань. Не дровами и рыбой, как некоторые, а чистым золотом!

– Его светлость учел этот факт, поэтому с вашего клана потребовали всего одну девицу. Более того, у вас появилась редкая возможность породниться с самим князем!

Собеседников я не видела, но отчетливо слышала, как тщательно скрываемая ярость и злоба прорывались в голосе брата. Амаль – волк, глава клана и вожак стаи. Этим все сказано. Не привык, чтобы кто-то перечил ему, полному территориальному собственнику, а тем более давил или принуждал. И сейчас с трудом сдерживает свой бешеный норов.

– Я уверен, что ситуация с женщинами в столице не лучше, чем у нас… на окраине… княжества, – не сумел сдержать желчь Амаль. – Здоровые сильные самки нужны любому клану!

– Светлейший князь заинтересован в сильном многочисленном потомстве, поэтому решил разбавить высокородную, но застоявшуюся кровь столичных родов свежей. Суровые условия жизни и традиционный уклад, что до сих пор сохраняются… на окраинах, по его разумению, поспособствуют поиску достойных жен.

Мое сердце затрепетало от восторга: вот оно – решение моих проблем и ответ на чаяния! Под ногами скрипнули перила, ладони взмокли от волнения, и я еще крепче вцепилась в веревку.

– Жен? – прервал мои восторги изумленный голос брата.

– Да, его светлость набирает себе гарем, и лишь избранные станут законными супругами князя Валиана.

– А остальные? – поинтересовался Свят, один из помощников Амаля, ох и противный же оборотень этот ушлый волк.

– Остальных вернут кланам… если женщины выкажут на то желание, – спокойно ответил невидимый столичный гость; правда, в последнем слове послышалось насмешливое сомнение в подобном исходе.

Моя радость потухла так же быстро, как и загорелась. Гарем? Для волков неприемлемо, ни одна самка не потерпит соперничества в семье. Хотя новый князь – леопард, а у кошек, как я слышала, с этим немного проще. Редко, правда!

– Дешен вас проводит, а мы пока обсудим, кого послать ко двору, – процедил Амаль, скрипнув клыками.

– Не думаю, что поиски достойной девицы затянутся, – еще более вкрадчиво, многозначительно заметил княжеский посланник. – Каждый в округе наслышан о вашей сестре – скромной девице, прекрасной хозяйке и наделенной ценным даром знахарки.

– Савери не обсуждается! – грозно прорычал Амаль.

Я вздрогнула и пошатнулась, нога в мягкой, домашней войлочной чуне соскочила с балясины. А я вцепилась в веревку еще крепче, нечаянно выпустив опору, и теперь, скрючившись, повисла в воздухе, отчаянно цепляясь ногами за перила.

Темные полы плата знаменем колыхаются над первым ярусом. Проклятые тряпки мешают, не дают освободиться и вернуть себе устойчивое положение, а влажные от волнения ладони, как назло, скользят по веревке. Луна! А ведь сама виновата в своем нынешнем глупейшем положении. Надо выбираться, и быстро.

– Ваша сестра полукровка. Вероятно, ее кошачья натура позволит принять нашего князя как мужа и отца своих детей. Даже будучи не единственной его женой.

Я неловко дернулась, услышав мнение княжеского чиновника. Оно стало последней каплей в череде моих жизненных проблем. Зачем, спрашивается, еженедельно собственноручно полировала и натирала воском перила – чтобы они сейчас уходили из-под ног?! Чуни предательски скользили, разъезжались, хоть я тянула носки, как завзятая танцовщица.

Двери распахнулись – и худощавый, высокий шатен, видимо, тот самый поверенный, первым вышел из повалуши, по-кошачьи мягко, прямо загляденье, направился к выходу. За ним твердо ступал Дешен – сильный, умный, хороший волк, ради которого, собственно, и затевалась эта чистой воды… авантюра. И, к сожалению, не удалась, потому что оба мужчины вышли из дома.

Хлопнула входная дверь; загомонили остальные оборотни. Но мне было не до обсуждения кандидатки в невесты его светлости, а по сути – заложницы. Ведь не зря новоявленный князь требует именно высокородных оборотниц, а не любую представительницу клана. Кому, как не мне, ясно, что дело пахнет горелым маслом.

Амаль грохнул кулаком по столу, отчего я невольно вздрогнула, а перила в конце концов ушли из-под ног. Зависнув над полом и качаясь, будто маятник, я даже испугаться не успела, как и среагировать, чтобы мягко спружинить на лапы. Ведь, как и задумывала, веревка, пришитая к подолу, ловчей сетью стремительно задрала его вверх. Рассчитывала, что всего-то окажусь пленницей собственного задравшегося сарафана, но оказалось – веревка выскользнула из моих рук и обвила шею.

Я захрипела, беспомощно болтая в воздухе обнаженными ногами и вытаращив глаза – одежда мешала освободиться, веревка сдавливала горло. Словно рыбина, выброшенная из воды, я хватала воздух ртом, но не могла вдохнуть. В глазах начало мутнеть, когда совет клана наконец вынудил Амаля признать, что выбора у него нет и меня придется отправить ко двору Северного. Новая война нам не по карману и не по силам.

Было слышно, как мужчины вышли из гостиной, но, наверное, ни один не глянул вверх, где я болталась, отчаянно дрыгая ногами. Все, по обыкновению, спешили покинуть наш негостеприимный дом. Мои потуги привлечь к себе внимание холостяков развеялись прахом. Причем вскоре, надо думать, и мой собственный развеют – я сипела, проваливаясь в темноту. А ведь всего лишь мечтала о муже, своем мужчине, с которым могла бы обрести женское счастье и семью.

– Савери! – Амаль привычно рявкнул на весь дом.

Раньше бы я уже спешила на его зов – промедления и непослушания брат не терпел. А сейчас из последних сил сучу ногами, пытаясь привлечь его внимание, а удавка еще сильнее перехватывает мое горло. Все, так и умру невинной, нелюбимой и несчастливой – какой позор!

– Савери? – потрясенно взвыл Амаль.

Неужели заметил меня?! Скрежет когтей по дереву, движение воздуха от мощного прыжка – и через секунду брат спрыгнул на первый ярус, со мной в руках. Торопливо выпутал из собственноручно устроенной самой себе тупейшей ловушки и удивил до глубины души, неожиданно печально спросив, с сочувствием разглядывая меня:

– Ты слышала про княжеский указ, да?

Я осторожно кивнула, кашляя и пытаясь отдышаться.

– Поэтому решила повеситься? – сделал потрясающий мое воображение вывод Амаль. – Поверь, возможно, князь не выберет тебя. Ты сможешь избежать гарема. Вернешься обратно, домой… ко мне.

К этому моменту я успела отдышаться и начала соображать. Признаваться, что вешаться уж точно не собиралась, не стала. Как и в том, что напортачила с хорошей задумкой… заставить вожделеть себя неженатых клановцев, пробравшись в их сны. А как еще вынудить их пойти против брата, чтобы он согласился на мой брак? Как сделать так, чтобы не побоялись главы клана, запретившего приближаться ко мне под страхом смерти?

– Я нечаянно… хотела люстру почистить, – прохрипела заранее приготовленное оправдание.

– Кто бы сомневался, – насмешливо хмыкнул Амаль, нисколько не поверив.

Повезло, однако, что княжеский поверенный подвернулся, а то не представляю, что вышло бы…

Я шмыгнула носом и, старательно вздрагивая всем телом, заревела у брата на груди:

– И что теперь со мной бу-у-удет?..

Амаль вновь поразил, ласково погладив меня по голове и… утешая:

– Дань собрали. Но этот плешивый Валианов прихвостень требует отправить вместе с золотом тебя. Думаю, за пару дней соберешься, а потом под охраной поедешь в столицу. Не бойся, охранники подождут княжеского решения. Если повезет, ты вернешься ко мне.

Я с тяжелым вздохом кивнула, не отрывая лица от груди Амаля. Сама же в этот момент ликовала: «Наконец-то свобода! От тебя!»

– Иди, приведи себя в порядок и накрой на стол, я проголодался. – Отстранился Амаль, вновь, словно коркой льда, покрывшись.

Жаль, что мой самый сильный и умный брат – душевно ущербный.

Жители Фарна могут прожить до ста двадцати лет полными сил, а затем быстро угасают. После тридцати многие оборотни заводят семью – большинство находится в поиске своей половинки. Так устроено природой: чем старше оборотень, чем дольше он одинокий, тем сильнее его звериная сущность. Потерять свое человеческое «я» никто не хочет, за редким исключением, но это скорее безумцы. Или такие, как Амаль.

Он никого не любит, не жалеет, лишь желает время от времени. Единственное, что им владеет безраздельно, – жажда власти. Именно из-за нее я рано потеряла отца, будучи несозревшей малолеткой. Амаль вызвал его на бой помериться силой и выиграл право возглавить клан. Убил! Собственного отца. Нашего отца! Затем сделал меня пленницей и собственностью. Мне двадцать три, но снять плат малолетки он так и не позволил. Я единственная ношу его так долго, до сих пор закрывая большую часть лица, когда выхожу из братовых хором, – вдруг найдется тот, кто возжелает меня, полюбит и отберет у Амаля.

Отберет не сестру-кровинушку, а знахарку! Фарн, наш прекрасный мир, раздает редкие дары: большей частью полезные, иногда никчемные, а иной раз похожие на проклятья – никто не знает, почему это случается; кроме того, дар передается по наследству.

Мне достался сложный, двойной знахарский дар, я интуитивно чую природную силу каждой травки, корешка и листочка. Умею соединять их полезные свойства, создавая чудодейственные настойки и сборы. Но главное и самое важное в мире двуликих – я повитуха. Оборотницы разных видов из-за второй сущности часто теряют свое потомство во время вынашивания и родов. А такие, как мы, повитухи не даем этой беде случиться.

Я одна такая сильная до самых гор, поэтому к нам в клан многие обращаются за помощью, привозят своих жен и дочерей. За мою работу Амалю платят золотом или услугами, часто загоняя себя в неоплатные долги или давая клятву верности. Именно на этом держится его непоколебимая власть в клане и строятся отношения с соседями. И если бы не княжеские смотрины, брат никогда бы не позволил мне уйти от него, чтобы завести собственную семью. Передать хоть часть своего авторитета и моего ценного дара другому волку – да ни в жизнь!

Конечно, Амаль будет усердно, истово молиться Луне и другим высшим Фарна за удачу, чтобы меня не выбрал князь, а уж потом постарается вернуть себе.

Ха, я тоже постараюсь, только наоборот!

Глава 2

Рассвет только-только озарил небеса, а я уже возвращаюсь из леса. Неслышно, словно тени, за мной следуют два охранника-волка – после вчерашнего «повешенья» брат не выпускает меня из виду. Хотя сейчас неудачная попытка привлечь к себе внимание и докучливая братова «забота» вызывают лишь насмешливую улыбку, благо никто ее не увидит. Набрав травок и кореньев, я удовлетворенно выдохнула: теперь полностью подготовилась к охоте на мужа! И не ударю, как говаривала старая Марая, мордой лица в грязь на смотринах княжеских невест.

Лес просыпается, ночное зверье спешит укрыться в норах и дуплах, сочная зелень в капельках росы благоухает сотнями свежих, напитанных живительной силой ароматов, приветствуя утро рождающегося дня вместе с дневными птахами. Мое обоняние волею провидения было заточено как раз под распознавание запахов растений, словно я травоядное какое-нибудь, а не обычная двуликая кошка. Над этой особенностью брат частенько насмехался, несмотря на то, что мой дар травницы, сильной знахарки и особенно повитухи обеспечивает ему надежную власть и уверенность в союзниках.

Эх, елки зеленые, как же хочется обернуться и побегать, как все, на четырех лапах, наперегонки с ветром, а еще – попрыгать, полазить по деревьям, но пока нельзя. Брат грозил оторвать мне хвост и открутить лопоухие уши, а впереди – смотрины! Амаль пару лет назад неохотно признался, что моя хорошенькая рыжеватая кошачья мордочка и изящное тельце могут привлечь какого-нибудь дурня настолько, что тот на глупость и необдуманные поступки сподобится, чем доставит неприятности. Так что если раньше Амаль самолично выгуливал мою кошку в чаще, то теперь об этом даже заикнуться ни-ни. А ведь долгое время без оборота и так со мной злую шутку сыграло: отвыкла, вот и не выпустила вчера когти. Чуть не удавилась.

По дороге обратно я еще раз мысленно перечислила дела первостепенной важности, которые нужно закончить к завтрашнему утру, к отправлению обоза. Вроде бы ничего не забыла и с соседской ребятней попрощалась, а выспаться успею в пути, до столицы княжества больше недели ехать.

Сразу за подлеском начинаются пашни, за ними в рассветной туманной дымке видны избы, принадлежащие более слабым и, как правило, менее имущим оборотням. Дальше пойдут дома побогаче, двухъярусные. Но и те, и другие добротные, деревянные, с двускатными, а то и четырехскатными крышами, резными наличниками, ведь логово для любого волка – это самое важное в жизни. Да и леса для стройки хватает.

Волчий клык – клан, испокон веков проживающий в долине с таким же грозным названием Волчья, родной до щемящей нежности, на многие версты окрест раскинувшейся, приютившей самый большой и богатый северный клан. Никому особо не кланявшийся клан, пока князь Валиан не счел, что собственное княжество ему маловато, а вот заморское королевство очень даже подходит и размерам его гордыни, и намерениям.

Еще лет десять назад, нам, щенкам и кошкам, наставник рассказывал, что Фарн велик и огромен. По замыслу богов, наш мир поделен на две части: Зеленую и Желтую. Первую – богатую растительностью – боги отдали разумным существам, наделенным двумя ипостасями с двумя душами, и обычному зверью.

Желтая – мир песков – досталась змеелюдам; они тоже двуликие двудушники, но, в отличие от жителей Зеленой, чаще используют для передвижения хвост, нежели ноги, постоянно находясь в неполной, смешанной ипостаси. По мере развития обеих частей Фарна, даже океан не смог стать преградой для встречи двух рас, и боги постарались, чтобы не случилось войны: змеелюды не переносят холода Зеленой, а четвероногие плохо приживаются в жарких песках Желтой, зато торговля идет полным ходом.

Кроме того, у обеих рас Фарна есть виды. Хвостатые змеелюды разнятся – от мелких, безобидных, покладистых представителей до крупных и смертельно опасных. Чешуйчатые – даром что жители песков – прекрасные мореплаватели, торговцы и строители, которых часто нанимают на Зеленой. Еще змеелюды объединены в королевства и империи, которые насчитывают сотни тысяч двуликих. Но одновременно забирают у тех свободу, даруя власть лишь немногим избранным!

А вот на Зеленой получили вторую ипостась сразу несколько видов. Самые распространенные – псовые. Первые среди них – вольнолюбивые, гордые волки, собравшиеся в кланы с четкой иерархией силы. Затем идут гиены, в большинстве своем живущие небольшими родовыми стаями и часто выбирающие стезю наемников.

В торговых рядах нередко зазывают народ хитрые, с хорошо подвешенными языками лисы, а вот между торговцами или покупателями часто промышляют в поисках раззяв наглые, ловкие шакалы.

На востоке край болот и озер издавна облюбовали еноты. Водяные, как их прозвали, поставляют в города древесину, рыбу и крепкие рабочие и честные руки.

Еще дальше Волчьего клыка живут наши северные соседи – песцы. Этих метких охотников и хороших охранников часто нанимают торговцы для сопровождения обозов по Зеленой.

Второй вид не такой многочисленный, но довольно распространенный – кошки: крупные и помельче, как я. Кошки предпочитают холодному горному северному краю южные степи и горы. Мы ценим свободу даже больше, чем волки, но часто привязанность играет с нами злую шутку – невольно прикипаем душой к неблагодарному «хозяину» или «гнилому» месту. Может, по этой причине кошки осторожные, и заслужить их дружбу и доверие довольно сложно.

Неискоренимое любопытство, авантюризм и чувственность, увы, тоже не лучшим образом сказались на кошках. Крайне редко, но бывали случаи многоженства или многомужества: не каждый согласится делиться, особенно любовью и преданностью, с кем-либо. В подобных случаях либо самец, либо самка, что позволили себе завести гарем, должны обладать невероятной одаренностью – внутренней силой, притягательностью и обаянием. Чтобы их по-настоящему любили. Ведь только искреннее желание любой оборотницы, ее внутренняя готовность позволяют принести семье потомство.

А вот у змеелюдов, я слышала, распространены гаремы, если есть на что содержать.

Третий, малочисленный, но весьма уважаемый вид – медведи; их часто выбирают городскими головами или судьями. Мудрость, основательность, сила и справедливость медведей славятся на весь Фарн.

Пока на Зеленой стороне существуют только княжества. Так издавна называют огромные кланы, которые подминают под себя стаи поменьше или отдельные роды́. Конечно, вольнолюбивые жители Зеленой стороны княжества не особо жалуют и, опасаясь, чтобы другие свободные кланы или стаи не подмяли, налаживают тесные отношения с соседними родами, стараются поддерживать друг друга, еще устраивают договорные браки, даже межвидовые. Как жизнь показала, не зря.

До сих пор на Зеленой стороне не больше десятка княжеств, а преобладают свободные кланы или стаи. Иногда целый город принадлежит одному клану, а лес – стае. Всех это долго устраивало. Но нашелся-таки Валиан Северный, видимо, очарованный, захваченный положением дел на Желтой стороне и размерами владений тамошних королей. Собрал войско и успешно выиграл войну, унесшую жизни многих оборотней. Еще вчера я надеялась на скорую смерть этого пришлого леопарда, а сегодня поумерила пыл, ведь, возможно, стану его любимой женой.

Наверное, не ко времени, но в мечтах я уже нарисовала чудесную картинку будущей семейной жизни, где на задворках княжеских палат блеклым пятном расплывается вторая

жена. Я же – первая и любимая, несущая радость мужу и благоденствие народу. Точнее, моему клану. Ну, мало ли, вдруг да получится, мечтать-то не вредно. Как говорит мудрейший Фрол, старый, потрепанный годами волк из нашего клана, до сих пор наставляющий юных псов и кошек грамоте и истории: «Вредно не мечтать! Это ограничивает мышление и может привести к заведомому проигрышу в любом начинании». Правда, смысл этой Фроловой науки я не совсем поняла, но усиленно мечтаю, раз полезно.

Улицы оживают, главный город волчьей долины просыпается под заливистое петушиное «ку-ка-ре-ку-у-у-у!», кряканье, мычание, блеяние… Представила, как хозяева, позевывая и поеживаясь от утренней прохладцы, выходят во двор заниматься ежедневными делами. Вот и небольшая центральная площадь, недалеко от которой стоят хоромы брата. Раньше я считала их семейным логовом, пока жажда власти не свела с ума Амаля, да так, что он убил нашего отца на поединке.

Справа привычно раздался грозный рык, тут же привлекший мое внимание.

– Да-да, Феня, не лютуй, пришла навестить тебя, – мурлыкнула я снисходительно-ласково.

На краю площади, под сенью высокого раскидистого дуба, в огромной стальной клетке, держась за прутья, встал двухметровый монстр с почти человеческим телом и головой, напоминающей волчью. Этот широкоплечий, сутулый, с длинными когтистыми руками-лапами и мощными ногами-лапами полузверь, покрытый шерстью, вперился в меня цепкими, голодными, глубоко посаженными желтыми глазами, ожидая подачки.

В народе подобных Фене называют душниками. Ходят они на двух ногах, как обычные оборотни в человеческой ипостаси. По-своему разумны, но лишь с одной, изуродованной, душой и формой. Не зверь и не человек, а чудище, замершее посредине оборота. Именно из-за душников на Зеленой стороне правильные оборотни стараются придерживаться либо звериной, либо человеческой ипостаси, не смешивая их, порой претерпевая неудобства.

– Фенечка, не переживай, мимо не пройду и подарочек тебе, горемычный ты мой, принесла, как всегда, – грустно улыбнулась я городскому пугалу, направляясь к клетке.

Приблизилась, но, наученная прежним опытом, осталась на безопасном расстоянии и кинула полузверю час назад пойманного моими телохранителями зайца. Феня ловко схватил окровавленную тушку и, усевшись в центре клетки, с голодным жадным урчанием когтистыми лапами начал рвать ушастого, брызгая кровью и с удовольствием чавкая. Я вновь печально вздохнула: жалко зайку – хоть и сама хищник, но убивать так и не научилась. И несчастливца Феньку жалко, порой до слез, ведь даже имя ему сама дала.

Пять лет назад наши воины вернулись с ним после вылазки в горы. Там, далеко на севере, в шахтах, можно разжиться самоцветными каменьями. Да не каждый смельчак решался забираться на территории отверженных или душников. Мохнатые звероподобные чудища, подвластные лишь стремлению убивать, питаться и размножаться, иных пугали до дрожи в коленках.

Стаи полузверей могут водиться в любом месте Зеленой стороны мира. Уже не оборотни, но еще и не обычные животные. Одним словом, полузверь – внешне и внутри. Они рождались у родителей-душников, либо становились таковыми, если оборотень не обретал семью, озлоблялся и сходил с ума от бунтующих животных инстинктов, которые нечем приглушить, нельзя направить на защиту и заботу о любимых и родных. Или если душа человека в нем была так слаба, безвольна или, наоборот, столь злобна, что зверь полностью подавлял, поглощал, превращая в коварного, яростного убийцу.

Когда Феньку только притащили в город на потеху публике, а главное – для того, чтобы молодняк видел, что бывает с самонадеянными оборотнями, которые не блюдут традиций и не выполняют правил, испокон веков твердивших: разум двуликий может сохранить лишь в

семье, – меня потряс его злобный взгляд, с ненавистью перебегавший с одного на другого зрителя из горожан, столпившихся на площади поглазеть на огромное чудовище.

Спустя год плена в Волчьем клыке Феня сумел-таки меня обмануть. Его угнетали клетка, ненависть проходивших мимо оборотней, собственная ярость и клокотавшая внутри жажда убийства. Все чаще, приходя тайком от Амаля к полузверю, чтобы принести сладостей или свежего мяса, я видела, что Феня лежал у края клетки и тоскливо скреб когтями землю. Словно рыл путь на свободу. Я долго терпела, но, будучи сострадательной знахаркой и жалостливой одиночкой, сдалась: на рассвете тайком отправилась на площадь – и выпустила пленника на волю.

Четыре года назад я верила в сказки, верила в то, что нельзя убить единственного друга, того, кто приносит тебе еду, единственного, кто жалеет и понимает. И в очередной раз столкнулась с реальностью: все рано или поздно предают, а душники – звери неблагодарные, с одним желанием – убивать.

В то незапамятное утро меня спас Дешен, ради которого я вчера чуть не повесилась на собственной одежде. Он возвращался от очередной зазнобы и успел отбить второй, уже смертельный, удар душника. Первым тот разорвал кожу на моей спине в лохмотья. Затем Феня сбежал в лес и, пока его ловили, тяжело ранил трех охотников.

За подобную жалость не только глава самолично, а всем кланом убили бы глупую девку, но меня простили. В отличие от брата, в городе и окрест меня любят и жалеют, правда, молча. Ведь уже с двенадцати лет, когда мой дар закрепился и развился, я стала помогать повитухам, а потом и в одиночку принимала роды, отбивала у смерти рожениц и новорожденных. Много детей в Волчьем клыке появилось на свет благодаря мне, и мужья не потеряли своих жен в огне родовой горячки.

Тот печальный опыт научил, что жалость к врагу бывает смертельно опасной. Боль и раны заставили меня – совсем молоденькую знахарку – понять, что нельзя быть слабой душой, нужно иметь силу сказать твердое «нет» желанию спасти всех и каждого. Ведь это, увы, невозможно.

Пока кровожадный сиделец Фенька ел зайца, я, присев на корточки недалеко от клетки, мысленно прощалась с ним. А после, выполнив этот личный долг души, отправилась домой.

* * *

Грусть после общения с душником Феней развеялась, как утренний туман, когда я победным взглядом окинула три своих дорожных сундука с нарядами. Несмотря на то что Амаль заставлял меня носить плат, в средствах не ограничивал. Тонкое, отделанное кружевом и шитьем нательное белье, наряды из дорогих тканей я не только шила себе, как другие женщины клана, но и покупала готовые, даже иноземные. Ведь надежда на брак с хорошим мужчиной упорно теплилась в моей душе. Удобные короткие сапожки телячьей кожи, теплый шерстяной плащ, нарядные одежда и обувь, в которых буду ходить по княжескому дворцу, а также ароматные масла для тела, мятное мыло и всякая всячина – все тщательно сложено в дорогу.

Я довольно крутанулась вокруг своей оси, раскинув руки. Хотелось кричать, как вылетевшей на свободу птице. Поймала свое отражение в огромном зеркале в углу: подол легкого зеленого сарафана закрутился вокруг стройных ног, обрисовав тонкие лодыжки, икры и округлые бедра. Облегающий покрой наряда не скрыл и тонкую талию, и упругие ягодицы, и высокую грудь в низком вырезе нижней рубахи, украшенном вышивкой. Я хорошая мастерица, ведь, ухаживая за будущими матерями, можно многому научиться, даже если в детстве осиротел.

Разглядывая свое отражение, скорчила забавную рожицу, сморщив прямой веснушчатый нос. Сейчас меня переполняет радость от предстоящей поездки; зеленые глаза буквально светятся от счастья. Полные губы не могут удержать улыбку и обнажают аккуратные парные

клыки. Тряхнув головой, я разметала по спине и плечам густые, медного оттенка волосы, словно ласково обнимающие овальное личико, не такое скуластое, как у местных волчиц.

Мягкие, милые черты лица настоящей кошки, о чем никто бы не поспорил, если бы увидел меня без закрывающего пол-лица плата. Только большие, лопоухие, покрытые мягкой черной шерсткой уши с длинными кисточками, торчащие на макушке из копны волос, немного портят внешность хорошенькой кошечки-оборотня. Кошечкой меня мама в детстве называла, а Амаль за уши в детстве часто таскал, если ослушивалась. Ну ничего, скоро не будет у него ни моих ушей, ни ценной знахарки, чтобы пригрозить местным оборотням в случае чего.

– Пес смердящий, – прошипела я в сторону брата-злыдня.

– Это ты кому так неласково? – заставил меня подпрыгнуть на месте неслышно подкравшийся Амаль.

Мои уши, украшенные кисточками, – да-да, украшенные, пусть он хоть облается, – сами по себе прижались к голове, и я спешно оправдалась:

– Феньке.

– Снова к нему бегала? – презрительно хмыкнул Амаль, окидывая суровым, подозрительным взглядом мои сундуки. И неожиданно мрачно добавил: – Гляжу я, ты основательно собралась, надумала не возвращаться?

Я вытянулась в струнку перед волком со злобно горящими желтыми глазами с вытянутыми зрачками. Верхняя губа угрожающе дрожит, будто он сейчас решает: разодрать ли меня на клочки или подумать? В отца Амаль пошел, недаром их бой длился мучительно долго, кроваво. Наверное, навечно отпечатавшись у меня в памяти. А вот я – в мать. Даже дар от нее достался. Жаль, не помог ей наш дар выжить – умерла, не сумев произвести на свет сразу трех моих братьев.

– Ни на что я не рассчитываю, просто хочу быть готовой ко всему. Амаль, не ты ли меня этому учил? – не смогла удержаться от подковырки.

В другое время мне бы за длинный язык досталось от брата тяжелой лапой, но не сейчас. Живая дань и заложница должна иметь привлекательный вид, а то, не приведи нелегкая, увеличат денежное бремя клану.

Но и Амаль не был бы собой, если бы пропустил подобное мимо уха. Приподнял мой подбородок, больно схватив двумя пальцами, и заставил смотреть себе в лицо. Дрожа от страха, я упрямо пялилась в его сверкающие злостью желтые глаза.

– Маран проследит, чтобы ты, как и раньше, скрывала свой запах, сестрица. Ослушаешься, он найдет способ наказать тебя за непослушание. И плат ты не имеешь права снимать до брака! За этим он тоже проследит. Поверь, я сделаю все, чтобы вернуть тебя в Волчий клык.

Кажется, мои надежды на счастье с шумным грохотом рухнули куда-то вниз и вдребезги разбились. Амаль невероятно хитер и коварен: заставил меня не только лицо скрывать, как обычной малолетке, но и вкусный кошачий запах, на который бы однозначно среагировали холостяки.

А ведь сама виновата – придумала чудную настойку, которая прячет ненужные запахи. Вновь жалость подвела, а дело было житейское. Живет у нас в городе семья – кошка Лена и волк Эрой. И все было бы у них отлично, ведь любовь больно крепкая и души верные. Да только беременная Лена на дух не переносила запах псины от мужа. А жить без любимого несколько месяцев у верной кошки душа не вынесет. Вот и страдали оба, пока я не придумала настоечку, приглушающую собственный запах. Хотела помочь влюбленным пережить несколько месяцев беременности, пока игры обоняния не пройдут сами собой. А брат прознал и заставил саму пить. Скоро, наверное, забуду собственный аромат.

– За что ты так со мной? – понурилась я.

В зеркале за спиной Амаля отразилась испуганная девушка с прижатыми к рыжей макушке темными ушами, почти круглыми зелеными глазами, в которых заблестели слезы.

Затем одна капелька медленно покатилась по смуглой щеке. Губы задрожали от обиды и непонимания.

Как же жалко стало себя за годы юности, когда видела от Амаля, дававшего мне уроки смирения и послушания, сплошь унижение. Если бы он хотя бы любил меня, единственную родную сестру, а не только использовал для давления на соперников, я бы, возможно, смирилась с участью одиночки. Но кому, как не мне, знать, что брат не умеет любить. И, боюсь признаться даже себе, слишком близко подошел к грани, после которой превратится в отверженного. Еще лет десять от силы, если не случится в его жизни чуда и любви, зверь окончательно возьмет над ним верх. Быть может, сам тогда по горам с бывшей Фенькиной стаей будет бегать.

Горькие мысли прервал Амаль, пальцем вытер слезу с моей щеки, поморщился и ответил:

– Эта долина наша испокон веков. Только предки были более сильными и суровыми и не терпели слабости. Нам никто не смел перечить, не мог противостоять! А мы… наша слабая мать умерла в родах, причем будучи сильной повитухой…

– Как ты смеешь?! Ты хоть представляешь, какую боль испытывают роженицы?

– Умерла, забрав с собой трех будущих воинов, сильных, но не рожденных щенков, – оборвал мой возмущенный возглас Амаль, опять больно вцепившись пальцами в подбородок. – А отец? Столь слаб духом, что несколько лет после нее мучился и чуть не потерял весь клан. За это время мы лишились части северных территорий, нас перестали уважать соседи, даже внутри клана стаи устроили грызню за верховенство.

– Поэтому ты убил отца? За то, что он слишком сильно любил маму и мог лишить тебя власти? – с обидой спросила я, чувствуя, что еще немного – и хрустнет моя челюсть, но остановиться не могла.

– Чтобы не позорил наш род и предков, – неожиданно спокойно ответил Амаль, оглушив быстрой сменой настроения. – Власть любит только сильных, запомни, сестрица, на будущее.

– Я же помогаю твоей власти, но меня ты тоже считаешь своей слабостью. И мне порой кажется, что если бы не дар, то убил бы, как и отца.

Амаль оттолкнул меня, но смотрел пристально, словно оценивая.

– Ты ошибаешься, Савери, у меня ни разу не было желания убить тебя. Если бы не дар, я бы нашел способ получить выгоду и от твоего брака. А сейчас проще держать тебя на коротком поводке. Но в одном ты права: ты мое слабое место. Если бы дар достался мне, было бы одной проблемой меньше.

– Тогда тебе, Амаль, придется самому вскоре жениться и найти способ влюбить в себя женщину, иначе наш род может прерваться окончательно! – ядовито прошипела я, отступая от него подальше.

Мужчина, до обидного несправедливо считающий меня слабым местом, а дар – проблемой, презрительно усмехнулся, заметив, что я попыталась выдохнуть с облегчением, и заявил:

– Нашла о чем переживать, кошка. Любая волчица полюбит сильнейшего волка клана! Хозяина долины! Стоит только пальцами щелкнуть.

На этот раз я благоразумно промолчала, но Амаль, кажется, заметил в моих глазах неверие. Да, он прав, у волков иерархия силы очень важна, но мама говорила, что любовь неподвластна законам. Она приходит к тем, кто ее совсем не ждет, а там, где ее требуют, могут безнадежно ждать годами. Значит, и потомства брат может не дождаться!

Амаль смерил меня непроницаемым взглядом, спрятав все страсти, бушующие у него в душе, и строго наказал:

– Следи за своим хвостом! Негоже женщине из Волчьего клыка демонстрировать слабость человеческой воли.

Наконец-то за ним захлопнулась дверь. Я тяжко вздохнула: разговор оставил мутный, гнетущий, горький осадок. Невольно бросила взгляд в зеркало: да, хвост и впрямь на вер-

шок приподнимает подол сарафана над полом, незаметно для посторонних, но Амаль, кто бы сомневался, подметил.

– За собой бы следил, а то еще чуть-чуть – и не только хвост из штанов вылезет, но и шерстью навсегда покроешься, – огрызнулась в закрытую дверь.

В человеческой ипостаси по ушам и запаху можно определить, к какому виду относится незнакомец. Выпускать когти, хвосты и прочие звериные части тела – дурно и непозволительно, как и выражаться между собой словами, применимыми для домашней скотины и лесного зверья. Это признак слабости человеческой души. И все из-за душников – отщепенцев, от которых оборотни стараются держаться подальше. Хотя, по слухам, в больших торговых городах многим плевать на эти мелочи, там в чести удобство. Частенько заезжие купцы и прочие гости были одеты в штаны, как у наших охотников для походов в лес или горы. Ткань на заднице крепится крест-накрест для свободного доступа хвоста наружу.

И женщинам там тоже больше дозволяют, да и под платьем кто увидит хвост? Я свой не слишком длинный хвостик редко прячу. Мне вообще сложно следить за ним: вся выдержка уходит на брата, чтоб ему икалось.

И плевать!

Присев на лавку, осмотрела свою горницу, где прожила с детства, всю жизнь мою. С ней больнее всего расставаться. Здесь мама мне колыбельные своей родины пела. Вновь глянула на сундуки и медленно, вдумчиво проговорила про себя: «У меня есть цель: не вернуться к брату никогда, и значит – светлое будущее. Не хочу! Не могу! И не позволю рушить мою жизнь в угоду его чересчур честолюбивым желаниям, доходящим до безумия!»

Сразу стало легче на душе и светлее вокруг. Это добрый знак!

Глава 3

Темно-синий плат привычно закрыл пол-лица и фигуру до пояса. Закрепила его петелькой под подбородком и нарядной красной лентой на голове – этаким послаблением, утешением для сопливых, несозревших девчонок, которым только дай покрасоваться. Но обязанным носить эту накидку, впрочем, нисколько не сковывающую движений. А то мало ли что может случиться, еще помешает обороту.

«Как же обрыдла мерзкая, уже в печенках сидящая тряпка! Задрала!» – раздраженно прошипела я, морщась, рассматривая себя в зеркале.

И ведь только у северян принят девичий плат. Наверное, уже даже и не помнит никто толком, откуда пошла эта традиция: когда девочка становится подростком, отроковицей, и у нее меняется запах, то должна надеть плат и носить, пока не придет возраст невесты. Считается, что таким образом будущая хранительница очага и мать учится терпению, ведь юным свойственны порывы, необдуманные выходки, желание показать всем, что самая красивая. А ценятся в жизни больше не красота, а характер женщины, ее сила воли.

Правда, сами матери семейств частенько шутили, что плат для того, чтобы девочки учились привлекать парней не столько хорошеньким личиком, сколько каждым плавным движением, каждым выразительным жестом, мягкой, бесшумной поступью, приятной беседой. В общем, с помощью плата воспитываются настоящие женщины, будущие страстные, но верные волчицы, чтобы семьи были крепкими и дети сильными.

Я бы с ними согласилась, если бы не была принуждена носить его и в двадцать три года, когда пора юности уже миновала. Унизительно до боли, до глубины души.

– Савери! – привычно рявкнул снизу брат.

Вздрогнув, я быстро поправила плат, проверяя, все ли в порядке, забрала мамин амулет с изображением богини Луны и с колотящимся сердцем подошла к двери. Замерла, поднесла амулет к губам и поцеловала на удачу. Я частенько обращалась к этой богине – покровительнице женщин и семейного очага – за помощью, но пока она неизменно помогала мне оберегать чужие жизни, любовь и семью.

Выйдя на высокое красное крыльцо, я на миг замерла от изумления: в предрассветной розовой дымке, помимо обоза из нескольких добротных телег, увидела огромную толпу народа, собравшуюся во дворе, у ворот и вдоль улицы. Надо же, даже из ближайших селений приехали целыми семьями, чтобы с грустными, сочувствующими улыбками проводить меня. Глаза защипало от слез радости, благодарности, признательности, на душе полегчало.

Брат, фыркнув, величаво двинулся к охранникам обоза и замершему возле них княжескому поверенному. Этот кот с превеликим интересом наблюдал за происходящим, не скрывая удивления, и, кажется, был ошеломлен количеством жителей нашей долины всех сословий и лет, явившихся проводить заложницу из Волчьего клыка, а может, и будущую невесту князя. И немудрено, обычно столько народу на праздничные гуляния собирается, ярмарку, проводы войска, бывает, что и на большую свадьбу.

На неверных ногах я спустилась по ступеням и подошла к ближайшим клановцам. Прямиком к выделяющейся из толпы Ладе – высокой, статной, красивой волчице с толстой косой, уложенной вокруг головы. По-моему, Амаль любил ее когда-то, а если не любил, то, наверное, она ему очень нравилась. Но выбрала она скромного, неразговорчивого волка Родиона – лучшего охотника клана. Скорее всего, из-за этого брат и озлобился, ведь именно после свадьбы Лады и Родиона он вызвал на бой отца. Но я не держу на нее обиды: любовь приходит к достойным.

Лада приблизилась ко мне и, крепко обняв, едва слышно шепнула на ухо:

– Береги себя, Савери! Ты достойна самого большого счастья, поэтому постарайся не вернуться обратно! А я помолюсь за твою удачу богине!

На миг мы замерли, встретившись взглядами. Лада стала моей старшей подругой, тайной, ведь Амаль не допускал, чтобы я с кем-то сближалась. Но с тех пор как я выходила беременную Ладушку и помогла родиться ее близнецам-волчатам, между нами установилась своеобразная, но крепкая дружба.

– Я очень постараюсь, – улыбнулась ей глазами.

Лада-Ладушка, снова обняв меня, выдохнула на ухо:

– Не делись ни с кем! Там деньги… на счастье! – И громко добавила, подавая мне вышитый петухами и цветами холщовый мешочек, вкусно пахнущий мятными сладостями: – Это подсластить дорожку.

Чмокнула меня в щеку и затерялась в толпе. А я роняла слезы радости и печали – с единственной подругой попрощалась. Настоящей! Выходит, она вместе с мужем позаботилась о моем будущем, копила…

Дальше женщины подходили ко мне одна за другой и одаривали на дорогу. Все улыбались, хотели поддержать и ободрить. Кто-то всю ночь простоял у печи:

– Пирожки свежие, еще теплые…

Кто-то принес украшения и амулеты – ценные, оттого что своими руками сделанные, с душой.

– Храни вас Луна…

– На удачу…

– На счастье…

Дарили вышитые рубахи и юбки нарядные.

Наш местный сапожник богатые, сафьяновые, расписные сапожки справил:

– Нашей кошечке сапожки – бегать по дорожке…

Скорняк преподнес тончайшей выделки овчинную курточку в цвет. Видно, вместе с сапожником подарок обсуждали:

– Теплая обновка для южной кошечки-мерзлячки…

Под конец удивил здоровенный пожилой волк Моха-кузнец. В благодарность за своих внуков вручил мне тонкий кинжал с резной ручкой и ножнами из дубленой кожи:

– В хозяйстве сгодится.

Пока мои сопровождающие складывали дары в телегу, я поясно кланялась всем. Сквозь слезы благодарила, тоже желала им удачи и здоровья, просила не поминать лихом, как принято перед долгим расставанием. Ни за что и никогда бы не подумала, что вот так буду уезжать из Волчьего клыка. Что кто-то всплакнет, что одарят подарками, добрым словом. И что еще долго будут махать вслед обозу.

Я тоже махала, с болью в сердце глядя на одинокую грозную фигуру брата, широко расставив ноги и заложив руки за спину, мрачно глядевшего на меня. Он точно не прощался и своим видом показывал, что расстаемся мы ненадолго. Единственного брата, самое родное по крови существо – и того теряю! Даже не так, бегу от него!

Когда город скрылся за поворотом, я, всхлипывая, опустила полог, осмотрелась. Амаль, как обычно, не поскупился напоследок, сено на полу кибитки накрыли парой толстых шерстяных ковров, чтобы поменьше трясло, бросили несколько шкур, чтобы ночью укрываться от холода. Рядом с сундуками положили складной столик, корзины со снедью и подарки, глядя на которые я улыбнулась и полезла за вкусно пахнущими пирожками.

После бессонной ночи, волнующего прощания и нескольких пирожков глаза закрывались сами собой. А то ночью так и не смогла заснуть, боялась, что сорвется поездка ко двору князя Северного – и все, конец мечтам.

* * *

Проснулась я оттого, что тряска прекратилась и душновато стало. Выбралась из-под шкур – весной поутру еще прохладно – и до хруста, с удовольствием потянулась. Хотела было привычно прикрыть лицо краем платка, прежде чем высунуться из кибитки, да замерла в раздумьях: а почему, собственно, нет? Ведь я будущая невеста князя. Более того, свободная кошка. И наконец-то рядом больше нет главного надсмотрщика – Амаля, единственного, кто имел хоть какое-то право заставить меня носить плат после созревания. Вернее, не имел, но заставлял своей властью. Еще, конечно, смелости добавили столь дружные и трогательные проводы.

Смелости и уверенности в себе!

Но сначала я решилась полностью открыть лицо, завязав платок, как обычные хозяйки, если прохладно или чтобы волосы не мешали, а дальше посмотрю, как моя охрана себя поведет. Волк Маран – один из самых верных приближенных Амаля. С таким же жестким, непримиримым нравом. Самый преданный. Недаром брат этого пса приставил ко мне таким же надзирателем, как сам.

Взяв фляжку с водой, я приподняла полог и выглянула наружу. Зажмурилась от удовольствия – солнышко хоть и клонится к закату (здорова же я спать), а хорошо пригревает. Прямо красота! Обоз наш всего из четырех подвод: первую нагрузили провиантом для сопровождающих – тратить время на охоту и покидать ценный груз Амаль строго-настрого запретил; затем моя кибитка и телега с золотым оброком; на последнюю сложили мешки с овсом для лошадей. Лошади времени зря не теряли, воспользовавшись остановкой, пощипывали траву на обочине.

– Доброго дня, лу Савери, – раздался со стороны леса ехидный голос Марана. Затем он еще более ядовито добавил: – Вы ничего не забыли?

Я вздрогнула, словно девочка, пойманная на шалости. Высокий, широкоплечий, черноволосый Маран и одежду предпочитал темную, словно для устрашения. Ну уж нет, не запугает, вряд ли он страшнее главы Волчьего клыка, которого я за столько лет рядом как облупленного изучила. Приподняв бровь, недоуменно и слегка высокомерно посмотрела на него и приторно-любезно улыбнулась:

– Нет, ата Маран, я ничего не забыла, наоборот, нашла день удивительно солнечным.

Неторопливо вылезла из повозки, аккуратно придерживая юбку, открыла флягу и вылила воды в ладонь. Умылась, охладив горящие щеки, а Маран стоял, расставив ноги и скрестив руки на широкой груди, и с едва заметной кривой ухмылкой пялился на меня. Так и хотелось спросить: давно в лицо не видел? Неторопливо, тщательно стряхнула с рук капельки воды и опять подняла глаза на надзирателя, продолжавшего настаивать:

– Лу Савери, вам напомнить, что приказал ваш брат насчет плата?

– Ата Маран, вам напомнить мой возраст? – Мы сверлили друг друга непримиримыми взглядами.

– Еще утром вы не были столь смелы, – кривая усмешка Марана стала еще более обидной, голос буквально сочился ядом.

– Мой характер не вашего ума дело, – одарила его, надеюсь, не менее кривой ухмылкой.

А у самой внутри все дрожало от страха. Был бы у меня запах, этот волк тут же ощутил бы его и понял, что смелость эта напускная.

– Давайте договоримся в начале нашего пути, лу Савери, – слишком спокойно предложил Маран, – вы не будете ослушиваться приказов вашего брата и дадите мне правильно выполнять свою работу.

– Я не мешаю вам выполнять работу, ата Маран. Вы охраняете золото и меня? Вот и охраняйте на здоровье, пожалуйста, – стараясь, чтобы голос не дрогнул, издевательски вежливо посоветовала.

Маран вдохнул рывком. Злится, но виду не подает.

– Ата Амаль сам отбирал охрану обоза. Каждый волк, сопровождающий вас и ценный груз, предан ему. Лу Савери, все мы женаты. Поэтому предупреждаю: нет смысла заигрывать с кем-то из нас в расчете на то, что кто-то польстится на ваше очаровательное личико.

– Правда очаровательное?! – выпалила я не в силах перебороть любопытство.

Маран весело хмыкнул, но быстро помрачнел:

– Прошу вас больше не нарушать приказ главы клана, иначе…

– А иначе – что? – подначила я. – Изобьете, как Амаль? Посадите на хлеб и воду в подвал? Что вы теперь можете сделать, если откажусь? Я в своем праве одеваться так, как сочту нужным. Я свободная кошка!

– Иначе: мне дали право напоить вас шепотником. Всю дорогу будете находиться в плену сна и шепота своих фантазий.

Я едва не задохнулась от возмущения:

– Как… как вы можете на такое решиться? Я понимаю Амаля, для него сестра – надежный резон прижать к когтю любого, ключница и порой хуже прислуги. На кого еще можно выплеснуть злобу лишнюю. Но вы?.. А вы знаете, что шепотник память может напрочь отбить, нюх и дурачком сделать?

Маран нахмурился, поморщился и осторожно пояснил:

– Я согласен с главой в одном: нашему клану жизненно необходима сильная повитуха, да еще с даром знахарки. Последние годы только в нашей долине не умирали роженицы, благодаря вам. Другие подобным счастьем похвастать не могут. У меня молодая жена; и глава дал слово, что вы проследите за моей Дамирой и будущими щенками.

Я неосознанно качала головой: да, меня всем кланом и окрест жалели, но ни один не вступился, не возмутился положением бесправной пленницы. Каждый мужчина опасался, что придет его черед просить за беременную супругу или сестру у главы клана.

– Ведь я бы никуда не уехала, жила бы в родной долине, вышла бы замуж за одного из наших, а теперь еду на смотрины. – Мотнула головой и решилась на откровенность: – Вы хоть понимаете… видите, что с ним происходит? Он же на грани!

Маран облизнул губы, блеснув крепкими белоснежными клыками, – сильный, матерый волк.

– Может, и видим. И понимаем, что вам недолго унижения терпеть осталось, – решился-таки признаться он, хоть тихо говорил, но твердо. – Посему каждый из нас заинтересован, чтобы в клан вернулась сильная повитуха и знахарка. Не обессудьте, лу, но мы в точности исполним приказ главы помочь вам не пройти смотрины. Проследим за этим.

Я ошарашенно таращилась на Марана несколько мгновений, а потом внутри у меня словно пузырь мыльный лопнул. Ах вот оно как, значит. Только Ладка тайком деньги дала и велела не показывать никому. А провожавшие сладости, пироги да вещи дарили, может, и не прощались вовсе. Настрой благостный создавали, чтоб родной дом не забывала, помнила, благодаря амулетам да нарядам.

Глаза защипало, но я прикусила до крови щеку, а потом зло и упрямо прошипела:

– Лицо больше прятать не стану!

– С нами ата Роман, поверенный князя, едет, ушлый молодой кошак и…

– Нет! – даже уши угрожающе прижала к голове, приготовившись сопротивляться не на жизнь, а на смерть за кроху свободы, которую снова забрать хотят.

Маран посверлил меня испытующим взглядом и, видимо, не решился портить отношения с повитухой – согласился, словно кость кинул:

– Хорошо, в дороге можно, но в трактирах или городе надо будет. И про запах не забудьте, береженого Луна бережет!

Я длинно выдохнула Марану в спину:

– Ладно…

Вокруг сновали охранники. Сноровисто обустраивали ночлег, разводили костер, поили-кормили лошадей. Мужчины с любопытством посматривали на меня, но ничего, кроме праздного интереса, в их взглядах не было. Оно и понятно: счастливо женатые и замужние оборотни никогда на измену не пойдут. А несчастливые браки на Зеленой стороне крайне редко случались, ведь потомства в этом случае не дождаться. До брака любой может гулять сколько влезет, лишь бы на здоровье, никто не осудит свободолюбивое существо, но семья – святое. Семья душу бережет от грани, за которой отверженными становятся, в душников вырождаются.

Свежий вечерний ветерок, наполненный лесными ароматами и смолистым дымком костра, приправленного аппетитным запахом булькающей в котелке похлебки, ласково охладил мои щеки, словно шепнув: а жизнь-то налаживается!

Глава 4

Дорога петляет мимо заросших холмов, то спускается в очередную долину или лощину, то поднимается. Солнце медленно клонится к земле. Вот-вот остановимся на ночевку. После скорого обеда подаренной на прощание снедью, во время которого я стеснялась поднять глаза на моих спутников, чувствуя себя не совсем уверенно с открытым лицом, решила сесть рядом с возницей. Хоть словом перемолвиться, все не так скучно. Не привыкла я к праздности и отоспалась уже.

Старый Вит, возница из песцов, давно обосновался в клане, еще при моем деде, тоже главе. И заметно выделяется среди пожилых оборотней нашей долины лохматой, густой, седой шевелюрой и круглой головой, за что детишки дразнят его одуванчиком, за глаза, конечно. Лицо у Вита изборождено множеством морщин, а голубые глаза в обрамлении белесых ресниц светятся молодым задором.

Давным-давно Вит попал под обвал вместе с моими бабушкой и дедом – родителями отца. Они погибли, а песец везучим оказался – жив остался, но потерял руку. Точнее, чтобы не погибнуть, сам себе перегрыз лапу, будучи придавленным огромным камнем. Не знаю, смогла бы я на такое решиться? Однорукого Вита мой отец принял, обогрел, помог найти работу, чтобы жил, не стыдясь ущербности, не просил милостыньку, а достойно содержал семью. Да, мои предки были справедливыми и милосердными главами, с большим сердцем. Все, кроме Амаля.

В который раз я отметила на деревьях вдоль дороги венки из сухостоя с цветками бессмертника и выжженные прогалины неподалеку. Так в наших северных краях мертвых провожают в последний путь: сжигают тело и помечают место упокоения. Со временем венки разметет ветер, земля, политая дождем, порастет травой. Тогда и траур завершится по почившим.

– Как же много погибших, – я тяжело вздохнула, глядя на очередное дерево с венком.

Вит покосился на меня и печально покивал:

– Да, очень много. К сожалению, не все свободные кланы и стаи выставили против Валиана своих воинов. Вот и поплатились ярмом на шее – данью ежегодной. Княжество теперь уселось на нашем горбу. А Северный этот, леопард плешивый, чтоб у него кость в горле поперек встала, со своим войском вона как далеко зашел. Почти у порога Волчьего клыка оказался, а такого, чтобы нашему клану кто на хвост наступил, ни разу еще не бывало…

– Дак может, Валиан такой сильный и умный? – подначила я Вита с улыбкой.

Грустно видеть следы войны, ничего не поделаешь, но леопард, о котором идет речь, значится в моем жизненном раскладе как будущий жених, поэтому где-то глубоко внутри меня шевельнулась гордость за него. Сильный самец любую оборотницу привлекает, а уж умный и хваткий – тем более.

Вит посмотрел на меня с укоризной, подметив и подначку, и улыбку. Покачал головой и добавил неожиданно со злостью и презрением:

– Знающие оборотни бают, что не сам он умом блещет, а завел себе шептуна чешуйчатого. Мелкий гаденыш из болотных гадюк с Желтого, но с гонором и повадками, противными природе четвероногих. Сказывают, умеет взглядом зачаровывать, свои мысли навязывать, да так, что любой их за свои принимает…

– Да неужто?! А еще что-нибудь рассказывали? – вытаращилась я на собеседника, затаив дыхание. Байки я тоже любительница послушать.

– Даром что знахарка, не девчонка, чай, а сама хуже моей внучки, несозревшей еще. Одним словом, все бабы – дуры! – сплюнул Вит коню под копыта.

Я хмыкнула понятливо. Чего обижаться? Мнение старика песца об уме женского рода известно во всей долине. И многие знают о причине: супружница старого Вита – знатная спор-

щица, скандалистка и сплетница, вот ему и прощают многое. А сам Вит не болтливый, добрый, хоть и однорукий, но хозяйственный мужик.

Наконец Маран определился с местом ночевки, выбрав большую поляну. К ней и наезженные тропки ведут, значит, многие выбирали для отдыха. И весело журчащий рядышком ручей порадовал возможностью поплескаться перед сном.

– Дочка, а нет ли настоечки какой, а то суставы ломит что-то, к дождю, видать. – Вит, кряхтя, спрыгнул с козел, отбросив поводья на круп лошади, и, морщась, потер обрубок кисти.

– Есть кое-что получше, дедушка Вит, – улыбнулась я. – Сейчас мазь вам дам добрую, пахучая, конечно, но боль снимет непременно. А на ужин заварим травок – и уйдет вся ломота. Правда, на время, но если пить всю дорогу, то хорошо себя чувствовать будете.

Пока мы возились со стариковым обрубком, остальные устраивали ночлег. Расседлали лошадей, выставили охрану. В наступающих сумерках я заметила в кустах светящиеся волчьи глаза караульных, тенями сновавших вокруг лагеря.

К большому костру, вокруг которого расселись остальные спутники, я шла, после того как вымыла руки в ручье, испытывая смущение и неловкость. Однако, поймав несколько любопытных мужских взглядов соплеменников без плотского и обидного намека, приободрилась. Лишь поверенный князя, поблескивая красивыми, почти круглыми, желто-карими глазами, слегка прикрыв веки, наблюдал за мной с каким-то своим интересом. Он чуть наклонил голову, отчего темная, со светлыми крапинами шевелюра рассыпалась по широким плечам. По характерным круглым ушам – черного цвета, небольшим, с крупными белыми точками на тыльной стороне – я догадалась, что Роман довольно крупный кот-оцелот.

Под его взглядом я вновь невольно вспомнила о смотринах и прискорбном факте, что соблазнять-то не умею. Или заигрывать, как еще говорят. Если бы Амаль хоть раз заметил мою попытку кому-то понравиться, убил бы беднягу и меня избил. А привлечь внимание князя лишь за счет природного обаяния рыжей мордочки моего каракала надежды мало. Необходимо срочно научиться обольщать, ну или что там еще нужно, чтобы застолбить князя… точнее, выгодно… тьфу, опять не о том думаю, счастливо выйти замуж…

Ой, чуть не споткнулась, задумавшись о насущном. Посмотрела я на спутников и выбрала, на ком сейчас попробую женские хитрости применить. Отбросив сомнения и расхрабрившись, кокетливо, плавно – кошка я или кто? – одернула темно-синий сарафан, расшитый красными узорами. И словно невзначай перекинула край плата с правого плеча на спину, открыв длинную шею в вырезе рубашки. Скромном, правда, вырезе, но с чего-то же начинать надо? Буду как новичок в школе, как будто первую ступень обучения начала. Вот подучусь маленько и – ух-х-х… сведу с ума князя.

Уже хотела дальше идти, но вспомнила об одной важной ухватке, без которой обольщение в неумелое заигрывание превращается. Облизнула губы, как наши волчицы делают, приманивая взгляды холостяков, и попыталась напустить в глаза поволоки.

«Эх, тяжела доля невинной, нецелованной девицы моего возраста!» – посетовала про себя и, по-кошачьи мягко ступая, направилась к костру, покачивая бедрами и не сводя зазывного взгляда с Романа.

Подействовало! У него глаза вспыхнули в темноте, будто две звезды, жадно, с горячим интересом и… весельем. Кошак облезлый!

Маран, сидевший напротив Романа, захохотал, видимо, отметив мои старания. Вслед ему и другие зрители тоже развеселились.

– Дочка, так… юбками голодные вдовушки крутят. А приличные девицы смотрят долу да алеют перед мужиком как маков цвет, – проворчал Вит. Потом брюзгливо добавил: – Не срамилась бы.

От стыда хотелось сбежать к себе в кибитку и зарыться там под мехами поглубже, но меня неожиданно поддержал Роман:

– Не обращайте внимания, лу Савери, вы все делаете… правильно. И походкой можете пробудить в мужчине очень многое…

Вымученно улыбнувшись, я попыталась обернуть конфуз в шутку:

– Рассмешить уж точно могу.

Роман потянулся, тут же привлекая внимание к своему гибкому, сильному телу. Прищурился, словно не человек, а кот его играет с будущей жертвой, успокаивает, потом обвел взглядом враз переставших ухмыляться охранников:

– Смех без причины либо признак малого ума, либо… – Маран и остальные насмешники напряглись, а Роман, спокойно выдержав их подозрительные взгляды, закончил: – Попытка удержать кого-то весьма нужного клану, отвратив от вполне успешных… действий.

Тяжело вздохнув, грустно посмотрела на соклановцев. Даже мое желание нравиться мужчинам для них как кость в горле, что уж говорить об Амале. Я же верила, что после провала смотрин и возвращения в клан, мужа мне должны подобрать. А они… Кто им дал право решать что-то за меня?

Желание обольщать пропало напрочь, а вот покусать захотелось со страшной силой, даже клыки зачесались. Или это голод дал знать, уж больно аппетитно пахнет похлебка с копченым мясом и луком. Обидевшись на своих, клановских, села рядом с мужчиной, проявившим хоть немного понимания к моей несчастной девичьей доле, и сразу обратилась:

– Ата Роман, а вы можете рассказать о князе побольше? Какой он?

Волкам мой интерес опять не пришелся по нутру, но разве я не вижу, что они и сами не против послушать столичные сплетни и слухи от самого княжеского поверенного, а не от торговцев.

– Разносторонний! – ответил Роман, вернее, отвертелся. Но, отметив мое разочарование, добавил с улыбкой: – Не переживайте, лу, его светлость Валиан весьма видный и… большой, сильный леопард. Вряд ли вы останетесь равнодушной к его мужскому обаянию.

– А помимо размеров и обаяния есть другие полезные качества? Али нет? – ехидно проворчал Вит.

К счастью, на Зеленой стороне стариков жалеют, уважают и довольно многое прощают. Вот и этот резкий полунамек поверенный князя пропустил мимо уха, не поморщившись. Только Маран бросил предупреждающий взгляд на возницу.

– Думаю, в его воинском таланте вы убедились на себе! – уел нас Роман.

– А говорят, что советник у князя из чешуйчатых. Неужто правда? – не унимался Вит.

– В кои-то веки не врут ваши говорящие, – усмехнулся оцелот. – Но выбрать и приблизить мудрого советника тоже большой ум иметь надо…

– …Или не иметь вовсе…

– А как же змей у нас на севере-то прижился? – поспешила я оборвать нарывающегося на неприятности старика. – Ведь известно, что они холода не переносят.

– Зато, бают, до власти охочи, – мрачно выплюнул один из волков. – Видно, на Желтом советчиков хватает, вот и приходится невзгоды терпеть ради любимого дела. Кто ж командовать-то не любит…

Роман сперва нахмурился, а затем, скорее всего согласный с мнением собеседников, ответил:

– Все может быть. Первый советник его светлости мелкий гаденыш… я имею в виду его вторую ипостась, – быстро поправился княжеский поверенный, – но ума и… самомнения высокого.

Мои соклановцы насторожились, почуяв, что поверенный тоже не слишком доволен происходящим при дворе князя. Даже уши у них дрогнули, слегка прижались к голове, словно на охоте. А я спросила о заботившем меня обстоятельстве:

– Ата Роман, скажите, много ли девиц созвали на смотрины?

Волки хмыкнули, но при этом мой интерес разделили. Ведь им тоже важно, чтобы соперниц у меня было как можно больше и красивее.

Роман вновь по-кошачьи сощурился, потянулся, разминая шею, и вкрадчиво проурчал:

– Я полагаю, не ошибся, ваш зверь – каракал?

– Да, – уныло кивнула я.

В детстве гордилась своим зверем, ведь мама тоже, как и я, была каракалом. Ее считали яркой, красивой кошкой с гибким, грациозным телом. Папа посмеивался: более ручного, верного и желанного ему зверя в жизни не найти. Да только постоянные насмешки брата над моими большими черными ушами с кисточками – лопухами, да выволочки, когда несчастным ушам доставалось в первую очередь, заставили сомневаться в собственной привлекательности.

– Уверен, ваша кошка так же хороша, как вы сейчас, – улыбнулся столичный кот неожиданно и по-доброму. – На смотрины велено собрать девиц из более чем двадцати родов и кланов. От многих прибудет не по одной…

– Если найдут таковых, – не смолчал Вит. – Невинных девок-то нынче днем с огнем не сыщешь, дюже ранние да быстрые. Только плат снять дозволь, дык, словно голодный душник, в погоню за удовольствиями кидаются.

– Ну, одну красавицу девицу вы легко отыскали, хоть и не девчонка она уже, – необидно хохотнул Роман.

– Можно сказать, с превеликим трудом сохранили, – съязвил Маран. – Одна на весь Волчий клык и осталась.

Я зло посмотрела на него и тоже в долгу не осталась:

– Меня сомнения одолевают, что вряд ли все семьи столько усилий приложили, чтобы сохранить невинными других желающих занять место рядом с князем.

– Значит, соперниц у вас будет мало, – поверенный Валиана вроде мне говорил, а смотрел прямо на Марана.

Доверенный брата все сильнее мрачнел. А вот у меня, наоборот, крепла надежда на светлое будущее.

Но продолжить занятный разговор не вышло. Сначала донесся странный шорох, который выбился из общего лесного шума, – слух у моего каракала чуткий и чувствительный к любым звукам, почище волчьего будет. Больше того, лучше, чем у многих именитых охотников. Я сразу навострила уши, прислушалась к чужеродным звукам, слегка повернув голову. Следом за мной насторожились остальные. Медленно встали, хмурясь и доставая оружие. У меня в груди екнуло от дурного предчувствия. А дальше началось…

Маран стремительно перелетел через костер и, повалив меня наземь, накрыл своим телом. Ох и тяжелым, аж дух выбил! Следом начался жуткий свист – так стрелы поют на стрельбище за городом. Романа, миг назад сидевшего рядом со мной, снесло с бревна стрелой, вонзившейся ему в плечо и толкнувшей вперед, прямо в огонь. Остро завоняло паленым.

Вит не по-стариковски резво оттолкнул ногами раненого Романа от костра, затем, схватив за воротник, пригибаясь, потащил за ближайшее дерево. Еще бы, не приведи Луна, погибнет он на нашей земле – князь решит, что не подчиняемся ему, убиваем верных слуг. И что тогда будет – не знаю!

Раздался злобный волчий вой – это наша стража, охранявшая подступы к обозу, столкнулась с первыми врагами.

Ох, Луна, как же все быстро происходит, страшно, куда бежать, что делать?!

– Под телегу, быстро! – рыкнул Маран, скатываясь с меня, и пнул под зад в нужном направлении.

Путаясь в сарафане, как здоровенная гусеница, я сначала ползком, а потом, задрав подол, на четвереньках поспешила к своей кибитке. Мужские дела точно не для меня, а уж битвы и

подавно. Я знахарка, а не наемник. Могу только морду расцарапать. Или страшную рожицу скорчить. Хотя тут таких рож и без моей хватает.

Подвывая от страха, вопреки приказу Марана (тоже мне, нашел место надежное!), юркнула в кибитку под полог и быстренько огляделась, где бы спрятаться. Но, кроме кипы шкур, ничего подходящего не нашла. Рядом кто-то резко вскрикнул от боли – и я рыбкой нырнула под шкуры, зарылась поглубже и замерла. Даже почувствовала себя в безопасности и выдохнула с облегчением.

Радовалась недолго – раздался противный треск рвущейся ткани. Кто-то снаружи рубанул. Закрыла рот ладонью, чтобы не разораться, и затаила дыхание. Дикий страх накрыл с головой, ведь я ни разу в жизни, кроме как по глупости с Фенькой, не рисковала своей жизнью. Даже в драки не попадала. А здесь стрелы смертельно поют.

Еще удар чем-то железным – и распорка, державшая полог, рухнула, приложив меня по спине. Я вскрикнула. Внутрь вломился кто-то тяжелый – кибитка просела под весом «гостя». Чуть приподняв уголок нижней шкуры, я убедилась: разбойник – пятнистая гиена – в один прыжок оказался у сундуков с явным намерением проверить содержимое. А у меня никакого оружия нет!

Первой – умной – мыслью было не подавать признаков жизни: добро нажить потом можно, а собственной шкурой рисковать не стоит. Но тут в проделанную в пологе дыру попытался залезть один из моих охранников. Не успела я порадоваться спасителю, как грабитель, метнувшись вперед, саданул того в лоб рукоятью длиннющего кинжала. Но самому, видимо, в ответ тоже досталось чем-то – он отшатнулся назад и наступил мне на хвост. Я взвизгнула так, что у самой в ушах зазвенело. А покусившийся на мои сундуки грабитель, гиена подлая, упал на меня то ли от неожиданности, то ли просто споткнулся.

Я опять мявкнула под тяжелой тушей, выбившей дыхание. Пока ползавший по мне грабитель возился, выпутываясь из шкур, я тоже пыталась выпростаться. Под руку попалась ручка ночного горшка, который мне специально здесь поставили, чтобы не мешала отлучками в кусты по надобностям. Да так и не воспользовалась.

То, что потом творилось в кибитке – ловушке, которую сама себе устроила, я вспоминала на другой день урывками. Как будто со стороны смотрела и не верила, что это со мной было.

Воздуха не хватает, мех лезет в рот, ребра вот-вот треснут под тяжестью разбойничьей туши, ничего не видно, но я упорно тянусь за горшком…

Сверху творится непонятно что… Шум, гам, вой, визг, свист…

Грабитель почти встал с меня, позволив судорожно вздохнуть… Яростный клич – и кто-то новенький кинулся на него. Только не это!..

Вух-х-х! На меня свалились оба, опять выдавив из груди весь воздух, и давай драть друг друга когтями, лупить кулаками, рычать. Того и гляди, размажут меня под шкурами, потому что половина ударов достается мне. А между ударами я ругаю себя последними словами. Хватило же дури выбрать себе укрытие. Скоро последний дух выбьют вместе с пылью…

– Бе-е-е… – выбили, выдавили из меня странный звук, когда нижний вояка рывком оттолкнул от себя верхнего и, судя по глухому удару, выкинул его наружу.

Незнакомец привстал, дав мне возможность разок вдохнуть воздуха – пыльного… На этот раз мне хватило ума постараться выползти из-под шкур. Наполовину удалось. Свобода-а-а!..

– Апчхи!.. – В следующее мгновение я взмыла вверх.

Столкнулась взглядом с разбойником-гиеной – детиной раза в два больше себя, упершегося в полуобороте волосатой звериной головой в полог и сцапавшего меня за шкирку, будто котенка.

Полугиена оскалился, показав жуткие клыки, и злобно рыкнул мне в лицо. Моя рука сама собой взлетела вверх, чтобы защититься, а попутно совершенно непредсказуемо огрела грабителя по морде горшком.

– Ы-ы-ы, – взвыл он, скосив глаза к переносице.

– Ой, простите, пожалуйста… – просипела я в ужасе, разглядывая неожиданно взявшееся откуда-то оружие.

Надо же, оказывается, пока по мне свои-чужие ходуном ходили, не выпускала из руки горшок.

А рука с горшком, словно они сами по себе жили, проявляя чудеса сообразительности, – били оглушенную полугиену по лбу снова и снова, снова и снова.

Только подумала, что посудина на редкость полезная попалась, толстый глиняный горшок лопнул, оказавшись все-таки хрупким оружием, а я опять свалилась на пол под немалым весом. На этот раз быстро вывернулась из-под наконец-то потерявшего сознание грабителя.

Ну и крепкий же у него лоб, зараза, уф-ф-ф, даже вспотела. Неужели спаслась? Но, опустив взгляд на побежденного грабителя, заныла, испугавшись, что убила – вон морда гиенья вся в крови. А что сделают со мной его подельники? Дрожащей рукой коснулась жилки на мощной шее – бьется. Живой! Мой стон облегчения не слышал, наверное, только глухой.

На поляне шум стоит страшный – кипит нешуточный бой! А я тут одна, слабая и беззащитная, ручку с остатками горшка прижимаю к груди. Надо из этой ненадежной меховой норы-ловушки выбираться!

Больше не раздумывая, трясущимися руками содрала с себя одежду и сменила ипостась на кошачью. Прокралась к пологу и осторожно высунулась наружу. Жуть! Сроду такого не видала: звери и полузвери бьются насмерть зубами, когтями, клинками… Страшно! Даже зажмурилась сперва. Огляделась: на меня вроде никто внимания не обращает. Юркнула вниз и, каждое мгновение ожидая очередного подвоха, стелясь по земле, между камнями и пнями поползла к деревьям. Уж каракалы умеют подкрадываться к врагам так, что ни один не заметит. Не зря нас называют тенями. Воинов-мужчин, конечно, но вдруг во мне кровь предков взыграет.

Мимо свистели стрелы, летали короткие топорики, какими часто северяне пользуются. Эх, выходит, свои напали. Гады! Знали, что дань должны везти князю, а значит – поджидали золото Волчьего клыка.

Рядом сцепились волки – я с визгом в сторону. Кровь, шерсть, плоть летели в разные стороны. Запах зверя, упорно тянувшегося к глотке почти поверженного соперника, был мне совсем незнаком. Вражья морда! Эх, клыки у меня давно чешутся кого-нибудь покусать, а разбойника не жалко. От всей души цапнула за хвост вероломного чужака. Затем с искренним удовольствием еще раз, слушая хруст костей и рев раненого зверя. Свой волк, пользуясь моментом, вскочил на лапы, а я, выплюнув остатки хвоста, ловко увернулась от острых клыков покусанного чужака. Спрятавшись за камень, притаилась, чтобы снова не затоптали. Знай наших! Каракалов!

Остро пахнет кровью и свежим мясом, но почему-то от этого запаха не сжимается в сладком предвкушении желудок, а наоборот – тошнит. Фу-у-у… какая гадость!

Прижав уши к голове, сливаясь с землей, я ползла в лес. Об меня пару раз споткнулись свои. Немыслимо, но один раз я сама, со страху подскочив и зарычав, напугала какого-то грабителя. Слабонервный, наверное, оказался. Но увидев двух громил-волков, собравшихся порвать меня на меховые лоскуты, с визгом взлетела на сосну. Псам кота на дереве не достать!

Спокойно мне на ветке не сиделось: сменила ипостась и начала кидаться шишками по врагам.

– Лу Савери, вам надо бы заняться стрельбой из лука, у вас меткий глаз, – раздался сверху хриплый голос Романа.

От неожиданности я чуть не свалилась вниз; хорошо, обернуться успела, а мой каракал ловко прыгает и карабкаться по деревьям может хоть с закрытыми глазами. Княжеский поверенный, испачканный в крови, но уже без стрелы в плече, уселся на ветке, держась здоровой рукой за ствол, и попеременно менял ипостась, чтобы вылечить рану. Я невольно залюбовалась его оцелотом – крупным, симпатичным, с пятнистой шкурой. Причем пятна переходят на шее в полоски, а на лапах – в точки, спинка и бока темнее, чем брюхо и лапы, и оттого выглядит редкий в наших краях зверь еще более привлекательно. И полосатый хвост длиннее, чем мой.

– Почему вы не внизу? – изумилась я, вернув человеческую ипостась и стыдливо прикрывшись разлапистой веткой. – Там же много разбойников…

– Пожалуй, их слишком много! – мрачно согласился Роман. – Это не моя битва и не моя забота! Посему и ответственности за потерю чужого имущества я нести не могу!

– Вы знаете, как это называется…

Сказать «струсил» не успела, поверенный окинул меня заинтересованным взглядом и задумчиво промурлыкал:

– А знаете, у вас есть все шансы стать супругой нашего князя. С такой очаровательной рыженькой мордочкой, красивыми черными ободками вокруг глаз и носика, а в сочетании с милыми ушками… да еще ваши длинные ноги, стройная фигура и игривый хвостик… И ползли по поляне как… ум-м-м…

Я удивленно уставилась на хитрого кота, сидящего веткой выше. Затем недоверчиво переспросила уже у обнаженного окровавленного мужчины:

– Правда-правда? – Опомнилась и буркнула: – Все равно это не по-мужски – бросать спутников в беде.

Сорвала шишку, прицелилась – и запустила в лоб грабителю, собравшемуся выпустить стрелу в Вита, державшего лошадей, норовивших пуститься вскачь и унести за собой телегу с золотом.

Разбойнику шишка ущерба серьезного не принесла, зато помешала поразить возницу и злости добавила. Меня он обнаружил быстро и в два прыжка оказался под сосной. Частично обернувшись, этот полуволк, сверкая на нас с Романом яростным желтым взглядом и зажав нож в зубах, полез на дерево, цепляясь за ствол огромными когтями.

Я взвизгнула и ловко взобралась выше, а потом и вовсе на соседнюю сосну перепрыгнула. Зато голый Роман, громко ругаясь на «глупую рыжую, лопоухую кошку», драки не избежал. Его обнаженный зад так и мелькал в разлапистой зелени, пока он, перебираясь с ветки на ветку, тыкал в грабителя палкой. В конце концов полуволк получил между глаз и свалился с дерева.

Победили свои, но пока добивали чужих раненых, преследовали уцелевших грабителей, собирали трофеи и трупы, я благоразумно сидела на дереве в звериной ипостаси. Хватит, навоевалась. А то не уберегут еще княжескую невесту! Красивую, как выяснилось. И вниз спустилась, только когда полностью убедилась, что опасность миновала. Затем полночи лечила пострадавших, слушала историю каждого благодарного за помощь, ведь даже шишка, попавшая в глаз врагу, спасла чью-то жизнь, хвост отхваченный опять-таки.

В путь мы двинулись засветло. Разве смежишь веки в таком неспокойном, пропахшем кровью, бедой и предательством месте?!

Глава 5

Впереди показался Шварт. Как проворчал на привале Роман, городишко этот – грязная гиенья дыра. И перебиваются они там лишь за счет удачного расположения на перекрестье нескольких трактов. Вит добавил, что стоит Шварт на берегу реки, по которой ходят небольшие торговые и рыбачьи суда. Мимо него с дальнего севера везут рыбу, ценный жир и другие полезности, что дает океан. Вот торговцы и причаливают к местной пристани.

– Мы заедем в город? – я с жадным интересом окликнула проезжавшего мимо Марана, высунувшись из кибитки под моросящий дождь.

Он придержал своего крупного каурого коня, раздраженно дернул серыми волчьими ушами, стряхивая капли воды, вытер ладонью мокрое лицо и недовольно ответил:

– Нет. В город заезжать не будем, на ночь на окраине остановимся. Через несколько дней в столице потешите свое любопытство, лу Савери.

Я расстроилась, ведь впервые оказалась настолько далеко от границ Волчьей долины. Хочется же самой увидеть все-все, хоть одним глазком посмотреть, как другие оборотни живут, а не только байки торговцев да приезжих слушать.

Дорога выдалась нелегкой. Было на нас еще одно нападение, но после первого охрана напоминала ощетинившихся ежей, готовых любого нечаянно чихнувшего рядом чужака посадить на иголки. Теперь со мной в кибитке постоянно ехали двое охранников – раненых, которым тяжело держаться на лошади, но все равно грозное предупреждение любому, кто попытался бы на меня лично покуситься. Клан Волчий клык хорошо бережет свою единственную девицу на выданье и золотой оброк.

«Видно, испортила война многих доселе честных и порядочных оборотней, – ворчал Вит. – Дороги перестали быть спокойными, а древнейшую традицию гостеприимно привечать путников, давая им кров и хлеб, блюсти перестали».

Остается надеяться, что временно.

Впереди показался постоялый двор, где любой за медяк мог укрыться от непогоды и получить миску супа с куском хлеба, а за серебрушку – комнату и полноценный ужин себе и сарай с сеном для коня.

Двухэтажное, крепкое с виду здание трактира походит на подкову, чуть в сторонке от которой стоят конюшни и сараи для повозок. Влажный воздух переполнен самыми разными запахами: от навоза и конского пота до аромата копченой рыбы и вкусной мясной похлебки, которым тянет с кухни вместе с печным дымом. Кругом снуют гости и работники, расседлывая лошадей, таская воду и сено, перебрасываясь поручениями и приветствиями. Кое-где заметны следы пожара: закопченные балки сарая и по крышам словно кто-то черной краской прошелся широкими мазками – война, чтоб ее, задела каждое селение, пусть краем, но мимо не прошла.

Четыре наши телеги поставили рядком у пустого сарая. Часть охранников осталась заниматься грузом и лошадьми, а я с остальными и княжеским поверенным направилась в трактир. У крыльца мы стали свидетелями неприятной потасовки: рослый широкоплечий мужик в плотной коричневой одежде, выдающей речника, и, судя по скуластому лицу и пологому лбу, гиена грубо тряс за плечи пацана лет десяти. Что-то глухо ему выговаривал, а малец жалко скулил: «Это ты во всем виноват, только ты!»

Не успела я вмешаться, Маран опередил, гаркнув:

– Это что происходит? Неужто война совсем изменила наш край? Раз теперь мужики принародно щенков смеют обижать?

Мальчонка вздрогнул и, увидев, как побледнел от ярости его обидчик, вцепился в него обеими руками и зашептал:

– Пап, пап, не надо. Пойдем к маме…

Горе-отец дернул головой, не то стряхивая капли воды, не то прочищая закисшие мозги, и, взглянув на сына, согласно кивнул. Через мгновение они оба скрылись в трактире, а вслед за ними мы вошли.

Навстречу нам дыхнуло благодатным теплом, живительным для уставших и промокших путников. Огромный зал, освещенный десятком масляных ламп, достаточно крепких столов с лавками, сбоку большая печь для обогрева, где весело трещат смолистые поленья. В воздухе плавают вкусные ароматы еды, от которых невольно сглатываешь слюну. Множество гостей – мужчин и даже женщин, – вокруг которых споро носятся подавальщики тоже обоих полов.

Одеты постояльцы не шибко дорого, по сравнению со многими наша одежда более добротная и выглядит богаче, хоть и мокрая. Да и на столах еда простецкая, без разносолов. Зато пахнет свежевыпеченным ржаным хлебом. Мои здоровенные, сурового вида спутники, обвешанные оружием, сразу же привлекли внимание окружающих, правда осматривали нас исподлобья, не рискуя прямым взглядом будоражить вспыльчивых, по натуре агрессивных волчар. А уж сама я – в сыром кафтане, в плате и скромных размеров по сравнению с охранниками – не получила и толики внимания: кому нужна малолетка?!

Мы расселись за свободным длинным столом у стены рядом с еще более длинным, сдвоенным, занятым большим семейством или родом гиен. Наши недавние знакомцы (отец с сыном) как раз подсели к ним. И почему-то выглядит все это семейство словно на похоронах. Даже несколько маленьких ребятишек и подростков смурные. По плотной коричневой одежде гиен, служащей защитой от ветра и воды, видно, что прибыли они сюда по реке. Бедная она у них, правда: ношеная-переношеная, штопаная-перештопаная. И обувь стоптанная, латаная-перелатаная. И на столе у них лишь кислые щи да крошки уже съеденного хлеба, правдивее всего отражающие едва ли не бедственное положение дел в семействе.

Маран оплатил ужин и постой и вернулся за стол. И пока мы ждали похлебку, я лениво, от усталости подперев голову кулаком, наблюдала за путниками. И вот незадача: по деревянным, ладно пригнанным доскам стола нагло ползала пара мух, вызывая у моей кошки инстинктивное раздражение и желание поохотиться. Скоро я поймала себя на том, что заинтересованно слежу за мухами: те побегали туда-сюда, почистили крылышки, спарились прямо на глазах у честного народа. Дальше моя рука сама по себе шлепнула по столешнице. Затем, приподняв ладонь, сунулась проверить, насколько удалась охота, – а мухи вырвались из-под пальцев и, задев мой любопытный нос, улетели. Ах вы, заразы!

Я настолько увлеклась мухами, что не видела, как принесли еду, да и вообще ничего вокруг не замечала, пока наконец не прибила наглющее насекомое, а потом и ее товарку. И лишь когда торжествующе отправила щелчком трупики мух в последний полет, подняла на своих спутников довольный взгляд. Они откровенно веселились, наблюдая за мной, кажется, тоже позабыв об ужине.

Маран с насмешливой укоризной покачал головой и высказался:

– Плат должен воспитывать терпение и смирение, а для вас, лу Савери, это скорее возможность чувствовать себя по-прежнему котенком – непоседливым, любопытным… охотником на мух.

– Простите, – шепнула я, стыдливо отводя взгляд в сторону.

И невольно натолкнулась на гиен за соседним столом – печальных, сгорбленных, будто на плечи им давит непосильная тяжесть. И тут, словно ножом по сердцу, полоснул душераздирающий мучительный женский крик. Мои спутники встревоженно закрутили головами, а остальные постояльцы продолжали есть, особо не обращая внимания, как если бы привыкнуть успели. Гиены-речники тем временем совсем сникли, скукожились. А мальчишка, которого трясли на крыльце, уткнулся в сложенные на столе руки и заплакал – тихонько, но так надрывно, что у меня самой сердце защемило.

Маран выслушал подавальщицу, что-то шепнувшую ему на ухо, поморщился, сочувственно блеснув глазами в сторону гиен, и махнул нам рукой, мол, все в порядке. Мои спутники быстро застучали ложками по деревянным плошкам – каждый продрог и проголодался. По примеру остальных я принялась за еду. И все же не отпускала меня тревога. Ложка-другая – и снова прозвучал глухой, какой-то утробный крик. Крик боли!

Мужчина, встреченный нами у входа сюда, вцепился в собственные волосы, словно вырвать собрался, глухо зарычал, как если бы сам мучился от боли. Тут я не выдержала: отодвинув плошку, встала. Маран схватил меня за рукав, предупреждая вмешательство. Но смотреть на чужие страдания не в моих силах. Выдернула у него руку и подошла к гиенам:

– Уважаемые, скажите на милость, кто это кричит?

Мужчина, что еще мгновение назад готов был содрать с себя скальп, с ненавистью посмотрел на меня:

– Пошла прочь, малолетка!

Я вздрогнула, столкнувшись с его желтыми, почти звериными глазами. С гиенами шутки плохи, а когда их целая стая – крайне опасны. Но снова сверху раздался крик, и глаза у мужчины словно потухли, да и сам он сник.

– Сейчас не время ума пытать, детка, иди к родным, – сипло посоветовала пожилая женщина с испещренным морщинами лицом, походящим на старую, заскорузлую от соли кожу. Точно бывалая рыбачка эта старушка.

– Лу Савери – сильная знахарка, зря вы отказываетесь от ее помощи, – неожиданно возразил гиенам Роман.

Те мгновенно напряглись и уставились на меня. А старушка, кряхтя, поднялась и выбралась из-за стола. Подошла ко мне и сухонькими руками крепко схватила за руку, словно опасалась, что сбегу. Грозно стрельнула глазами на растрепанного мужика и мальчишку, прижавшегося к его боку, и печально, обреченно просипела:

– Женка его мается, разродиться второй день не может. Мы с севера идем, лучшее место ищем, а то льды слишком близко к дому подступили, голодно стало. В Шварт зашли, потому что Рина раньше срока рожать начала. Это не город, а проклятое Луной захолустье! – в сердцах выругалась она. – Одна знахарка, да и то толком не ученая, а денег запросила целый кошель. Покрутилась вокруг Ринки, а как поняла, что кровью сильно пахнет, так и сбежала, коза драная.

– Второй день? – выдохнула я испуганно.

– На исходе… как и Ринкина жизнь, – прокаркала старушка, смаргивая слезы с блекло-желтых глаз.

– Ата Маран, мою корзину принесите наверх, – не поворачивая головы, приказала я.

Это привычка. Когда знахарствую, никто поперек слова не скажет, каждый верит и слушается беспрекословно. Ведь для любого оборотня потомство бесценно и страх потери пары и ребенка ощущается одинаково. Вот и привычный Маран даже не поморщился, молча встал и вышел.

А мы со старушкой пошли к лестнице на второй этаж, причем она цепко держалась за мою ладонь натруженной жилистой рукой и идти поспевала. Хоть и видно, что тяжело ей быстро двигаться. Двенадцать десятков годков небось прожила, раз настолько дряхлой выглядит. И конец ее жизни тоже близок.

Из-за двери, где лежит страдалица, донесся глухой болезненный стон, затем еще и еще… Привалившись к стене рядом с этой дверью, сидели две молодые женщины, устало, тоскливо прижавшись друг к дружке. Увидев нас, обе встали, а старушка, распахнув дверь, деловито распорядилась прямо с порога:

– А ну кыш все отсюда! Дайте место знахарке!

Четыре женщины разного возраста, толпившиеся вокруг большой кровати в убогой, темной комнатенке со спертым, хоть ножом режь, воздухом, шарахнулись вон. А я, окинув взглядом роженицу – изможденную, посеревшую, лежащую на грязных простынях, заляпанных кровью, – остановила последнюю и приказала:

– Горячей воды сюда быстро и чистых тряпок! И лампу! Две!

Остро, мерзко пахло приближающейся смертью, и я уверена: каждый здесь чувствовал ее сладковато-медный привкус.

Не успела я приступить к осмотру бедняжки-гиены, попавшей в такую передрягу, появился Маран, поставил передо мной тяжелую, заполненную доверху корзину. Мельком глянув на страдалицу, кивнул мне, словно удачи пожелал, и исчез.

Старушка притулилась в уголке, собралась наблюдать, что я буду делать. Первым делом я открыла окно проветрить комнату, а то дышать нечем даже здоровым, что уж говорить про роженицу. Достала из корзины сбор, настойку и пучок сушеного душистика – известной травки, что забирает боль, страдания, расслабляет хорошо. Закрыла краем плата нос и рот, а то надышусь еще и сама, да будем вместе с подопечной песни горланить. Случались у меня пару раз подобные представления.

Закрыла окно и подожгла душистик, чтобы окурить комнату. Вскоре стоны прекратились – наверное, роженица впервые за два дня перестала испытывать боль, вернее, боль затихла, дав ей необходимую передышку. Бедняжка даже открыла глаза и с надеждой посмотрела на меня. Старая рыбачка заулыбалась, показывая стертые до корней зубы. А я, ободряюще приговаривая роженице, поспешала, времени у нас в обрез.

Откинула одеяло, растерла ладони для притока крови, чтобы увеличить чувствительность, и начала осматривать преогромный женский живот. Стоило прикоснуться к бедняжке, та опять застонала. А ведь необходимо жать гораздо сильнее. Даже душистик не справился.

Еще раз растерла ладони, чтобы открыть дар. Мама так делала и говорила, что сила целителя, а тем более повитухи, – в руках. Они наши глаза и уши, которыми мы видим и слышим, а равно ощущаем, что происходит внутри живого существа. Провела ладонями по словно каменному животу – надо расслабить каждую напряженную, измотанную жилочку и выяснить количество младенцев, их расположение и главную причину столь плачевного состояния роженицы.

Стукнула дверь: принесли воду в ведрах и шайку. Я шикнула, чтобы двери скорей закрыли и не выпускали травяной дух. Старушка махом вскочила, и скоро мы в четыре руки ловко перестелили кровать, вымыли роженицу, напоили ее укрепляющей настойкой, чтобы придать сил.

Я снова начала поглаживать, прощупывать, массировать роженице живот. Моя сила, словно незримый теплый целительный ручеек, должна, постепенно разливаясь по женскому телу, проникать внутрь, расслаблять, согревать, придавать сил, делая все, что нужно, чтобы восстановить природный, самый правильный ход родов. Это мои подопечные оборотницы потом рассказывали, каково им было под моими руками.

Повитухи не волшебницы, хотя сильных именно так и называют в народе. Ведь сила нашего дара способна заставить работать каждую мышцу роженицы так, чтобы развернуть младенчика в правильном направлении, чтобы усилить или ослабить схватки, чтобы помочь женскому телу самому остановить кровотечение. Мы не волшебницы и порой даже наш дар бессилен, но не в этот раз. Слава богам и Луне!

Глубокая ночь… Усталость навалилась так, что хочется свернуться калачиком прямо на полу и спать, спать, спать. Но трое маленьких сморщенных младенцев – будущих сильных гиен, рыбаков, быть может, – лежат на кровати рядком и резво сучат ножками. Их настойчивое попискивание счастливой песней звучит у меня в душе, а сама тем временем обтираю измученную родами мамочку, но, к счастью, оказавшуюся крепкой и живучей. Четвертую, девочку, –

я боялась, что эту крохотную малышку вряд ли удастся спасти, но получилось! – ласково баюкает ее замечательная прабабка, как выяснилось. Моя помощница Раная старается согреть правнучку своим телом, что-то нежно нашептывая и напевая. Чудно: откуда у этой женщины столь преклонных лет столько сил и воли берется, чтобы неустанно помогать мне?!

– Дарья, Мира, подите сюда, быстро! – радостно позвала Раная, и в комнату тихонько зашли две женщины. – Нужно ребятишек утеплить, да переодеть Ринку, а то наша повитуха уже с ног валится!

Смотреть на то, с какой любовью и заботой женщины этого семейства взялись возиться с новорожденными и родственницей, доставило мне редкостное удовольствие. Они словно озарили все вокруг светом любви и счастья, изливая его на детей и Рину, давшую им жизнь. А какая благодарность мне светилась в их глазах! Говорят, гиены с виду скупые до чувств, мало кого из чужаков допускают в свои стаи, но родственные связи чтят высоко.

Рина, стоило разрешиться от бремени, заснула как убитая. Слишком тяжело ей пришлось, но сон лечит, и снадобья помогут быстрее набраться сил. Тем более эти отзывчивые родственницы возьмут на себя заботу о младенчиках.

– Сколько же тебе лет, девочка? – заглянула мне в глаза Раная, когда я устало привалилась спиной к стене рядом с лавкой, на которую она, наконец, села.

– Двадцать три, ама Раная.

И сама старушка, и суетящиеся рядом оборотницы удивленно замерли и уставились на меня, подозрительно потянув носами.

– Какая же ты лу? Ты, почитай, взрослая ама Савери, но по-прежнему носишь плат? – прищурилась Раная.

– Так вышло, что…

Мой неуверенный лепет прервала одна из них, Дарья, кажется:

– Дак понятно почему, видно клан твой знахарку бережет от чужаков. А так-то, кто подумает, что малолетка несозревшая может быть сильной повитухой, да еще и травницей доброй?

За ней высказалась Мира:

– Или муж ейный ревнивец, вот и хоронит от нескромных взглядов. Вон весь день под дверями прокараулили…

Я удивленно посмотрела на Ринкину родню, отлепилась от стены и выглянула в коридор. Там, как и сама только что, прислонившись к стене, стоял Маран. Поймав его мрачный взгляд, буркнула через плечо:

– Незамужняя я. Работы слишком много.

Закрыла дверь, собрала свои баночки-скляночки, проверила спящую мамочку. От нее шел хороший, здоровый дух, так что я совсем успокоилась и пообещала старой Ранае, забирая корзину:

– Утром зайду, проверю их.

Она смотрела на меня грустным, все понимающим взглядом; мерно качая правнучку, кивнула и тихо поблагодарила:

– Низкий поклон тебе, дочка, за моих родных. Прости ты нас всех, грешных. Поверь, так часто бывает, когда к доброму привыкают – начинают спрашивать с него слишком много.

Я хмыкнула и улыбнулась:

– Вы правы, ама, но добро на то и добро, чтобы дарить его, когда потребно, нуждающимся.

Старушка кивнула, а потом, с хитринкой усмехнувшись, заметила:

– Добро должно быть умным и с кулаками, чтобы за себя постоять.

– Оно постарается! – хихикнула я и, уже взявшись за дверную ручку, повернулась и строго наказала: – Если кто-то из моих спутников выставит вам счет за эту работу, скажите, что ваш счет оплачен.

Дарья с Мирой охнули радостно, ведь видно по ним да по обмолвкам, что не от хорошей жизни они родной край покинули. А Раная прошаркала ко мне, поманила рукой, чтобы я наклонилась, и с благодарностью поцеловала в щеку:

– Запомни, лу Савери, добро, бескорыстно сделанное, всегда возвращается к своему владельцу сторицей. Вот и к тебе вернется счастьем и удачей в заветный час.

Я вздохнула. Устало улыбнувшись, подтянула повыше корзину и, не прощаясь, зевая во весь рот, поплелась под присмотром Марана спать, отметив, что скоро будет светать.

Глава 6

На крыльце я зажмурилась от яркого, слепящего солнца. Ржание лошадей, крики, суета. Утро давным-давно наступило, и мы бы уже были в пути, если бы Маран не согласился задержаться, чтобы я еще раз проверила чудом выжившую молодую мамочку с ребятишками. После встречи с которыми меня распирало от счастья и довольства. Я снабдила не менее довольную и весьма благодарную Рину сборами и укрепляющей настойкой, неспешно собралась, радостно напевая себе под нос, позавтракала и – готова была обнять весь мир. Ведь Фарн велик и прекрасен, особенно ясным весенним утром, и так милосерден к своим детям.

Восторгалась и ликовала я недолго, ровно до того момента, как увидела, что наш обоз увеличился на четыре телеги, груженные вяленой рыбой и солониной, от которых шел крепкий, характерный дух. Мало того, рядом с телегами Маран разговаривает с незнакомыми гиенами. И те ему явно не нравятся, потому что у него, того и гляди, шерсть на загривке встопорщится от злости. Вон уши как прижал к макушке.

Чем же не угодили гиены нашему голове? Может, это торговцы, которые хотят под нашей защитой добраться до столицы?

– Лу Савери, иди, – проворчал Вит, забирая у меня из рук знахарскую корзину, – садись уже.

– Ата Вит, а кто это такие? – полюбопытствовала я.

Старый песец раздраженно дернул круглыми серыми ушами и поморщился:

– Швартовские разумники решили выгадать на охране и «доверили» доставить свою дань князю нам. Вот наглое песье племя, хоть плюй в глаза! Только возницы едут, да оно и понятно почему.

– Почему, ата? – догнала я Вита и, заглядывая ему в лицо, шла рядом, привычно поправляя плат на голове, чтобы концы не мешались.

– Шварт сильно пострадал в войну, обнищал дальше некуда. Об том все знают, засим много отсюдова не ждали.

– Но ведь…

– Они четыре телеги вяленой и сушеной рыбы собрали, бочки с солониной и жиром. И девицу… какую уж нашли… Видно, всем миром собирали дань, чтоб за ту девицу им хвосты не пооткручивали…

Вит похлопал по крупу лошадь, поставил на козлы мою корзину и занялся подпругой. Я подождала чуток, надеясь узнать, за что местным грозит без хвостов остаться. А потом осторожно спросила у молча пыхтевшего Вита:

– Так они что? Не нашли ни одной? Даже несозревших нет?

– Нашли! – рыкнул у меня за спиной Маран, заставив подпрыгнуть от неожиданности. – Псы шелудивые! Главное условие князя гиены соблюли: девица – родственница из ближнего наследуемого круга главы клана. Его племянница! Но, видать, почуяли, что по краю идут, вот и собрали все, что удалось, в приданое…

Я изумленно посмотрела на Марана: отчего это он слишком недовольный чужой данью и девицей? Не ему, в конце концов, собирали. Поймала его злой взгляд, проследила – и уставилась на женский зад, обладательница которого с азартом рылась в старой рассохшейся телеге с грудой какого-то хлама и рванья. Ну ничего себе повадки у нее!

Швартовская девица, надо думать, что это она, оделась весьма странно, если не сказать больше. Все-таки племянница здешнего главы и ко двору едет. Видно, семья ее совсем до ручки дошла. На крепких ногах высокие, заношенные едва не до дыр ботинки, выглядывающие из-под видавшего лучшие времена, вылинявшего до непонятного цвета сарафана. Поверх старенькой душегреи спускается до пояса белая толстая коса. А волосы-то красивые какие…

Невольно сделав несколько шагов в сторону белобрысой девицы, я замерла у телеги и, поморщившись от дурного запаха, окликнула ее:

– Мама меня с детства учила, что приличные кошки по помойкам не лазают…

Чудная девица распрямилась. Покрутив какую-то сломанную побрякушку и, видимо, сочтя ненужной, выкинула, а после обернулась ко мне и низким, напоминающим мужской голосом прошепелявила, отряхивая руки:

– А мой дедушка Шмарг говорит, что и на помойке можно отыскать сокровище! И вообще, хорошо, что я не кошка, а гиена! – Затем она издала неприятный хрюкающий звук, будто довольная свинья, получившая объедки с кухни.

Внешность девицы поразила до глубины души: альбинос! А дальше… Большая голова с плоским, скошенным лбом, белые-пребелые жесткие волосы низко, едва не от бровей, растут. Из волос несообразно торчат острые мохнатые гиеньи уши, из-под выдающихся белесых бровей косят близко посаженные маленькие глазки красноватого цвета. Кожа бледная. Нос… тоже выдающийся и, словно рыская в поисках добычи, постоянно двигается. Но еще более приметными на этом лице, вернее физиономии, – да простит меня Луна! – были толстые губы, не скрывающие выдающихся вперед крупных кривых зубов, наползающих друг на друга. Один верхний клык по непонятной причине отсутствует – не то выбит, не то с рождения нет, из-за чего нижний клык приподнимает верхнюю губу, придавая этому… ну ладно, скажем, непривлекательному лицу ехидно-насмешливое выражение.

Ошарашенно разглядывая швартовскую претендентку на княжескую руку и трон, похожую на белого сумасшедшего кролика, я ничего лучше не придумала:

– Ты уверена?

Гиена, вновь довольно хрюкнув, ответила, коверкая слова, потому что вместо «с» у нее выходило «ш»:

– А то! Я наизусть знаю имена своих родных. Папа каждый день их вспоминает, особенно маманину. Так до седьмого колена и перебирает.

– Ну да, родных лучше не забывать, – рассеянно кивнула я, разглядывая это чудо природы.

Интересно: шутит она или серьезно говорит?

Между тем девица, окинув меня изучающим взглядом, презрительно шмыгнув носом, добавила:

– Так, ну ты мне не соперница. Даром что лопоухая, так еще и без запаха. Дедуня говорит, что настоящая баба должна быть запашистой, чтобы любой мужик мог за версту учуять.

Я невольно шмыгнула носом: уж больно куча хлама зловонная, вдобавок и от этой «княжеской невесты» несет не лучше. За версту, может, и не почуешь, но мимо точно не пройдешь равнодушно.

«Красотка» подхватила меня под локоток и потащила к телегам. Причем прямиком к моей кибитке. Мысленно я взмолилась, чтобы она промахнулась, но не судьба. Воистину путь к счастью порой полон препятствий и страданий!

– Ты со мной поедешь? – уныло, обреченно спросила я.

– А то как же! Помогу тебе стать настоящей бабой, тем паче дорога длинная, небось скучаешь, – радостно сообщила горе-попутчица, опять хрюкнув.

Я предприняла последнюю попытку избавиться от нежелательной компании:

– Спасибо, конечно! А ты не боишься, что соперницей стану?

– Не, не боюсь. Что я – совсем глупая, что ль? Я ж тебе все секреты для завлекания мужиков не выдам, самые лучшие себе оставлю.

– Вот спасибо, – нервно хихикнула я.

– Тебя как звать-то? – спросила настырная гиена, залезая в кибитку вперед меня. И, получив ответ, назвалась: – Можешь меня Глашей кликать, но у князя лучше Глафирией.

– Глафирой?

– Не, Глафирией, так внушительнее. Мне маманя наказывала, а она от благородных гостей слыхала.

Вслед за мной, недовольно пыхтя, залез на козлы Вит. Уселся и, хмуро посмотрев на нашу попутчицу, пробурчал себе под нос:

– Неужто в Шварте больше девиц не нашлось на выданье?

– Лучше меня не нашли, – похвалилась Глаша. – Папаня сказал, чтобы я не терялась: князей много, а настоящих мужиков – не дюже. Может, в дороге найду кого поприличнее Валиана Северного. А то дедуня ворчал, что гарем – это срамно для настоящей гиены…

– Это тот дедуня, что по помойкам сокровища ищет? – подковырнула я чересчур самоуверенную настоящую гиену, помянувшую мои уши.

– А то кто же! – горделиво кивнула Глаша. – Он у меня – ого-го какой стоумовый! Не все, правда, замечают, но все равно уважаю-ют!

Я чуть не закашлялась, когда рядом захрюкал (впервые от него подобные звуки слышу) от смеха Вит:

– Конечно, уважают. Почитай, уж лет пятьдесят уважают. Про старого Смарга только глухой не слышал, как он сокровища ищет, волшебные замки в облаках видит и белокурых девиц, которые с небес ему машут и зовут, обещая ублажать и вечно любить.

Глаша на миг помрачнела, потом, воинственно шмыгнув носом, вновь воспряла духом:

– Маманя говорит, что верить в сказки не зазорно. И сказки – урок.

Вит, округлив глаза, обернулся и, подозрительно посмотрев на внучку известного швартовского «сказочника», как выяснилось, осторожно поинтересовался:

– Глафирия, а сколь тебе годков-то стукнуло?

– Пока еще тридцать, – гиена, вновь самодовольно глянув на меня, торжествующе ухмыльнулась. Словно в том, что она до сих пор девица, есть какое-то несусветное преимущество передо мной. Затем добавила: – Как дедуня сказал, я яблочко в самом соку. Главное, чтобы кому попало надкусывать не давала, но попробовать лизнуть – можно. Вдруг будущий жених привлечется вкусом, потеряет разум и решится…

Рядом с телегой остановился Маран, осматривавший обоз перед дорогой, но, услышав Глафиру, споткнулся. Замер. Недоверчиво смотрел на швартовское «яблочко в соку», а та, заметив внимание к себе, заиграла белесыми бровями и, завалившись на скрученные сбоку кибитки ковры, приняла, по ее мнению, соблазнительный вид. Мы с Витом, открывшим рот, то переглядывались, то смотрели, как Глаша оглаживает свои бедра и плотоядно сверлит нашего волка маленькими глазками.

Наконец в кои-то времена оторопевший Маран мотнул темноволосой головой, словно стряхивая с себя этот взгляд, зло, брезгливо сплюнул и пошел дальше. А Вит усмехнулся и, проводив глазами верхом проехавшего мимо нас в голову обоза княжеского поверенного, неожиданно обратился к Глаше:

– Детка, ты нашему голове свои яблочки лучше не суй: не оценит, женатый он давно. А вот тот молодец, что сейчас гарцевал мимо, – поверенный самого князя Валиана. Кот молодой, холостой, – Вит смерил подобравшуюся и внимавшую ему девицу озорным взглядом. – Из оцелотов он, поняла? Видала бы ты его в обороте: мех, стать, прыть – красавчик, одним словом. Кажись, яблочки наливные уважает. У нас в Волчьем клыке только и хрустел теми, что с прошлого года чудом сохранились…

– Я приличная девица, между прочим, и надкусывать только жениху позволю, – заявила «детка», а сама, молчком спихнув меня с козел, села рядом с Витом и озаботилась: – Точно-точно холостой? А кто еще из ваших?

Тяжелый случай, даже жалко эту гиену стало: бедняжка – ни умом, ни лицом не вышла.

Вит открыл рот, собираясь съязвить, но я тронула его за рукав, и он, улыбнувшись понятливо, ответил:

– Точнее некуда! Прости, детка, но среди наших оборотней нет холостых, все давно и счастливо женатые. Ведь молодняк в такие важные поездки не берут. Чай, дань и женщин везем самому князю.

Стрела, хитро пущенная Витом, попала в цель: Глаша-Глафирия, судя по хищно блеснувшим глазам, решительно настроилась покорять Романа, кажется, впервые за несколько напряженных, унылых дней обещая нам развлечения.

* * *

Всю дорогу Глаша не смолкала, только мне часто приходилось направлять беседу, чтобы не злить старого доброго Вита ее советами по завлеканию мужиков. Из рассказов о жизни в Шварте мы узнали, что война действительно сильно прошлась по землям гиен: расположение городка на перекрестье больших трактов, речная пристань, да и самое обычное имущество – все это влекло и княжеских наемников, и охочих до чужого добра и женщин соседей и мародеров. В схватках погибло много молодняка, были разграблены торговые дома, склады, хозяйства. Украли много молодых женщин, а оставшихся быстро разобрали вернувшиеся с войны холостяки.

Сейчас в Шварте зорко следят за несозревшими девчонками, прячут и берегут для своих. Девиц и десятка не наберется, поэтому решили на совете рискнуть и отправить на смотрины Глашу, во всех отношениях видную и к замужеству готовую. Даже на гарем согласную. А чтобы не прогневить светлейшего князя, подчистили все запасы и собрали дань. Теперь вся надежда на длинное благодатное лето: наловят рыбы, соберут урожай – авось выживут, если дружно постараются. Впрочем, гиены известны крепкими стайными и родовыми узами. Это вам не пройдошливые шакалы, где каждый сам за себя и собственный кошелек.

Время от времени назойливая попутчица порывалась делиться со мной советами своей мамани, главным правилом у которой было: в погоне за счастьем, считай мужиком, нет преград, а на дороге оно не валяется. Так что, если нашла, хватайся четырьмя лапами, зубами, хвостом и не выпускай. Не можешь перелезть преграду к счастью – обойди, пролезь, прокрадись. Не можешь купить – укради. Не сговаривается – загони в ловушку. Самый боевой совет звучал так: если не можешь соблазнить, возьми силой – женщине все простят! Услышав этот совет, я глубоко задумалась о том, как можно взять силой будущего жениха – мужчину, который непременно сильнее женщины.

Теперь понятно, отчего Глашин отец хорошо знает всех родственников ее матери, – поминает частенько!

После остановки на ночлег Глаша преобразилась: многозначительно посмотрев на меня, распустила волосы и без конца перекладывала их то на плечи, то за спину в одном ей понятном беспорядке. Видно, для большей соблазнительности. Выпячивала губы, усиленно моргала, будто ей что-то в глаз попало. Потешно!

Я закашлялась, когда, хитро мне подмигнув, швартовская прелестница расстегнула пуговички на нижней рубахе и приоткрыла бледную грудь. Чуть оттянула сарафан пониже, но старенькая одежда никак не хотела слушаться хозяйку, сбивалась. Пришлось бедняжке без конца тянуть вниз подол и полы рубахи в стороны. При этом она не забывала перекидывать волосы туда-сюда и вилять полными бедрами перед усевшимся на бревне Романом.

Наблюдая за охотницей за счастьем, я невольно застыдилась, уж больно это зрелище напоминало собственную попытку увлечь мужчину. Ох-ох, и у меня самой беда с головой.

– Ох, срамота-то какая! Да разве ж приличная девка ляжками так вихлять будет? На такую никто и не взглянет! – вторил моим подозрениям старый Вит, проходя мимо с ведром, чтобы набрать воды в ручье.

Глаша остановилась, мрачно посмотрела на песца и высказалась:

– Не бывает непривлекательных женщин, бывают слабые мужики!

Вит резко остановился, звякнув ведром:

– Это кто ж тебе сказал?

– Дедуня!

Старик посверлил гиену внимательным взглядом, потом неохотно согласился:

– Может, ты и права.

Роман, как в прошлый раз, склонив голову к плечу, наблюдал за Глашиными заигрываниями. Конечно, он сразу понял, на кого она «охотится», но при этом лишь довольно щурился и снисходительно улыбался, откровенно забавляясь.

Четверо возниц-гиен развели для себя костер отдельно и, судя по запаху, варили уху, не обращая внимания на соплеменницу. А вот мужчины моего клана кидали на нее мрачные, хмурые взгляды, и морщинки между бровями у них становились все глубже. Что-то их растревожило.

Я подошла к нашему костру, намереваясь присесть, но тут за моей спиной раздался приглушенный рык Марана:

– Ата Роман, почему ж вы в этот раз не учите девицу, как правильно мужчин соблазнять? Нам еще дней восемь пути, так, может быть, взялись бы за столь деликатную работу? Лу Глафирии явно не терпится сразить женихов наповал женскими чарами. А такой… кот-ухажер, как вы, верно, знаток в этом деле.

До того благостно отдыхавший возле костра кот лишь ушами шевелил, прислушиваясь к лесным звукам. А после Маранова предложения подобрался и улыбаться перестал, поскольку Глаша, словно оголодавшая хищница, все свое внимание на него устремила, причем по-охотничьи плавно и неслышно, едва не пригибаясь к земле, направилась к «дичи».

– Ата-а Рома-ан, это правда-а? – нараспев проурчала она, медленно, замирая от удовольствия, приблизилась и плавно присела рядом с вожделенным котом, не сводя с него горящего красноватого взгляда.

Выглядела при этом освещенная огнем Глаша-охотница весьма устрашающе.

Поверенный князя вымученно улыбнулся ей, а затем, бросив мрачный взгляд на Марана, пристыдил:

– Я, конечно, понимаю, что вас так обеспокоило, ата Маран. Сто́ящих претенденток все меньше, а повитуха ваша – редкое, бесценное сокровище для клана, но зачем же так мужика подставлять, который вам ничего плохого не сделал?

Ах ты! Вот же пройдохи мои сопровождающие, гуси лапчатые! Враз сникли. Озаботились. Кто бы сомневался, что на смотринах я более выгодная партия, чем Глафирия. Настроение у меня, в отличие от остальных, наоборот, круто поперло вверх. И дальнейшее представление, как Глаша обхаживала пока еще вяло сопротивляющегося Романа, я смотрела с огромным удовольствием. Думаю, скучать в дороге больше не придется.

Глава 7

– Тпру-у-у! – неожиданно остановил лошадей Вит.

Очнувшись от дремы, я невольно навострила уши. Из-под шкуры вылезла такая же заспанная Глаша, шмыгнула носом, потерла некрасивое помятое лицо широкими ладонями и подозрительно уставилась на полог, закрывающий вход в кибитку.

Я окликнула возничего:

– Ата Вит, почему остановились, мы же мало проехали вроде?

– Похоже на то, что о нашем обозе только глухой да ленивый не знает. Вот и пользуются, лиходеи… Сейчас разузнаю.

Я резко села, испуганно прижав руки к груди:

– Опять напали?! – сердце у меня понеслось вскачь.

– Маманя! – сипло со сна, совсем не по-женски прохрипела Глаша, подтаскивая к себе шкуры, явно намереваясь, как и я давеча, зарыться поглубже со страху.

– «Маманя»… – передразнил ее Вит. Затем отогнул полог, посмотрел на нас обеих с укоризной, мол, эх вы, трусихи. Усмехнулся и пояснил, видно сжалившись: – В паре верст отседова клан шакалов обретается, небольшой клан, но князюшка наш никого своим высоким вниманием не обделил. Поверенный его светлости утречком вперед обоза ускакал, а сейчас вернулся, заодно еще телегу привез с данью от шакалов и девицу тоже.

Глаша мигом выпросталась из шкур и недовольно прошепелявила:

– Принесла нелегкая лишнюю бабу. Если она на моего оцелота лапу наложит, я ей все космы повыдергаю…

– Лу Глафирия, вы уж определитесь, кто вам важнее: цельный князь или его служака-поверенный? – привычно потешался наш возница.

Гиена ухмыльнулась хитро, отчего одинокий верхний клык смешно вылез наружу, а рот перекосило:

– Дедуня сказал, что гарем – это срамота, а вот маманя считает, что третий не лишний, а про запас. А женщина всегда права…

– Маманя, значится, сказала? – мрачно перебил дочь чересчур предприимчивой родительницы Вит.

– А то как же, маманя! – хвалилась Глаша. – Она баба толковая, не по годам. Особенно когда спит клыками к стенке.

– А это кто…

– Папаня! Это он любя говорит, потому как запросто так никого нахваливать не будет, значит – точно умная.

Старый Вит, хмыкнув, подыграл Глаше:

– Повезло твоему папке с женою. Прямо как мне с моей ненаглядной.

Тут уже я не выдержала, захихикала. Но наше немудреное развлечение длилось не долго. Раздался звук приближающихся к кибитке шагов, затем, распахнув полог, на нас уставился Маран:

– Лу Савери, лу Глафир-ия, принимайте попутчицу. Эта лу из клана шакалов Призрачный хвост вместе с нами на смотрины к князю едет.

При этом Маран клацнул зубами и по-волчьи зло блеснул глазами, сдерживая бешенство. Но девицу-шакала в кибитку подсадил бережно и вежливо. Следом за ней со всего маху шмякнул на пол два туго набитых кожаных баула. Понятно почему: перед нами, сразу ошарашенно замолчавшими, в замешательстве мялась тоненькая девчонка-веточка лет четырнадцати, не более. В таком же, как на мне, плате малолетки, в теплой стеганой черной душегрее поверх

новехонького синенького сарафанчика, расшитого по подолу ромашками, в ладных, хоть и не новых, начищенных сапожках.

Девчушка зыркнула по сторонам, оценивая навязанную компанию, вымученно улыбнулась, показав маленькие белые клыки, тонкими пальчиками нервно поправила плат на щеках и широкую белую шелковую ленту, закрепляющую его на голове. Уши, прижатые к макушке, выдали ее волнение и страх – остроконечные, мохнатые, по краешкам рыженькие, с серой полоской посредине. Видимо, и сама девочка двухцветная. Мы с Глашей и Витом потянули носами, знакомясь с запахом слишком молоденькой невесты, и удивленно выдохнули: девочка-шакаленок только вошла в пору созревания – женский аромат едва-едва проявился.

– Это чего творится на белом свете-то?.. – у Вита от возмущения голос пропал, дыхание перехватило. – Детей уже на смотрины посылают.

– Мне уже пятнадцать, – попыталась оправдаться девочка, но вышло у нее плохо.

– А других не было, что ли? Постарше? – посочувствовала я.

– У нас маленький клан, остальные все замужние или просватанные. Я одна подошла…

– Садись, детка, в ногах правды нет, – Вит по-отечески приветливо указал на ковер рядом с Глашей, и шакаленок, немного потоптавшись, села между нами.

– Меня можешь звать Глафирией, а это Шавери, – встрепенулась гиена, исковеркав мое имя: ну никак у нее «с» не получалось. – Назовись и ты, коли вместе едем.

– Марийка, – тихо ответила девочка, исподлобья разглядывая нас карими, широко распахнутыми глазами.

Плат мешал рассмотреть ее, но хорошенький курносый носик и четко очерченные пухлые губки выдавали вполне симпатичное личико.

– Сегодня хороший день, – прошепелявила Глаша, вальяжно откидываясь на борт телеги.

– Это почему? – искренне удивилась Марийка.

Мне тоже стало любопытно: почему?

Глаша снова самодовольно хмыкнула и заявила:

– Скоро я стану богатая и любимая. И князь почти мой, и ата Роман… может быть.

Вит, отвернулся и скомандовал лошадям: «Но!» – при этом, слегка согнувшись, затрясся. Смеется, конечно. Я бы тоже повеселилась с ним, но правила гостеприимства требовали разговор поддержать, как и шакаленка с круглыми, изумленными глазами, поэтому серьезно спросила у самонадеянной гиены:

– Ого, Глаш, значит, в выборе князя ты уже не сомневаешься?

– Ну какие из вас соперницы? Тоже мне… – поморщилась она и с нескрываемым высокомерием добавила: – Вы ж еще малолетки совсем. Так, ни рыба ни мясо. Не чета нам, настоящим бабам!

Марийка быстро обернулась, осмотрела меня с ног до головы и удивленно приподняла темные брови.

– Мне двадцать три уже, Глаш, – вяло возразила я, сказав о своем возрасте больше для нашей новенькой, – ненамного ты старше. И учти, помимо нас ко двору еще много девиц прибудет.

– Я очень надеюсь! – невольно выдала свои страхи и чаяния Марийка. Выходить замуж за князя она, как мне показалось, не горит желанием.

Гиена хмуро посмотрела на меня, потом, отмахнувшись, заявила:

– Врешь! Ты ж не пахнешь совсем!

Марийка резко повернулась ко мне и повела носом, принюхиваясь. Напрасно она пыталась уловить мой аромат. Потом о чем-то задумалась, уткнувшись взглядом в сжатые на коленях руки.

– Может, к смотринам и проклюнется мой аромат, – расплывчато пояснила я.

– Не проклюнется, лу Савери, не беспокойтесь, – не оборачиваясь, мрачно буркнул Вит.

Марийка покосилась на спину возничего, затем внимательно посмотрела мне в лицо. Такое впечатление, что ребенок она только с виду, а вот в глазах совсем не детский, сметливый, цепкий ум, хитринка… С этой «деткой» лучше быть настороже. Хотя кому на Зеленой не известно, что любой шакал с детства непрост? Среди этих проныр нередко встречаются воришки, жулики и тому подобные скользкие личности.

– За мной еще огромное приданое дают: целых четыре телеги рыбы и солонины. А за вами что князю светит? – хмуро заявила Глаша, обеспокоившись своим будущим.

– Ковры да золото, – хохотнул Вит, ему прямо-таки особое удовольствие доставляет поддразнивать глупенькую гиену.

– А за мной телегу дорогих тканей, – почему-то устало и безрадостно ответила Марийка.

– Золото и ткань – это хорошее приданое, куда уж лучше, – угрюмо признала Глаша. Помолчала чуть-чуть и поделилась новостями: – У нас вот давеча на южных купцов кто-то напал, когда те рекой шли. Говорили, ткани везли на север продавать. Так там, по слухам, много всего было: и сукна, и даже шелков, а теперь купцы те с носом остались. Да и суденышко то грабители на мель посадили, его потом папа с мужиками помогал с мели снимать. А то перекрыли проход, целый затор устроили…

– Значит, ткани, говорите, лу Глафирия?.. – задумчиво проскрипел Вит, при этом, наконец, обернувшись на Марийку.

Девочка сжалась под всезнающим взглядом много чего повидавшего старика, как если бы попалась на чем-то, но ее голосок прозвучал на диво спокойно, безмятежно:

– Ага, ходили такие слухи. Мы ниже по течению реки живем, так что новости мимо нас не проходят.

– Ну да, ну да, – по обыкновению согласился Вит. А затем поинтересовался: – Лу Марийка, а что же старшие в Призрачном хвосте говорят? Что думают о теперешней жизни? И верно, вам тоже сильно досталось во время войны?

Девочка хотела было, видимо по привычке, ноги к груди прижать, обняв их руками, но кибитку бросало из стороны в сторону, и, завалившись на очередном ухабе, она, раздраженно фыркнув, уселась, как и мы. Неуверенно, опасаясь, что одернут, постелила под зад и под спину шкуру и привалилась к бортику. Мы терпеливо ждали ее рассказ, даже разговорчивая Глаша помалкивала.

Марийка опустила голову и, спрятав лицо за платом, наконец поведала:

– Мой дядя дань для князя по осени собирал. Еще тогда понял, что князь войну выиграет и придется нам под ним ходить… Только он не думал, что Валиан Северный жениться задумает. Да оборотниц с дальних краев соберет, а то бы успел и меня пристроить… У нас, так же как и у остальных, дела сейчас плохи. Кому в неволе жить охота? Да только война еще хуже. Самых сильных и молодых сколько полегло…

И столько боли и тоски в ее голосе выплеснулось, что я выпалила, почти не сомневаясь почему:

– Кто-то из твоих погиб?

Девочка совсем поникла, сгорбилась, как от непосильной ноши, и с болью в сердце выдавила:

– Наш дом богатый и хозяйство крепкое… было. На всю деревню красовался. Отец никого не боялся – сильный и смелый… а матушка – красавица, каких поискать. К нам первыми пришли, ночью. И не Валиановы наемники, а шайка мародеров без роду-племени… Меня после дядя забрал в свою семью. Так вот вышло, что я у них ночевала. Мы с сестрами на луну гадали, женихов перебирали… пока моего отца с матерью убивали.

– Вот оно как, – Вит обернулся и горько вздохнул. Его старческие глаза заблестели от слез, и я не выдержала, всхлипнула.

Глаша подвинулась к сироте, протянула ей корзину с пирожками, начиненными всякой всячиной, и печеной картошкой с луком, что я в таверне вчера утром купила.

– Ешь, горемычная, мне еда завсегда с горя помогает и от любой хвори, – посоветовала она, заботливо поднимая холстину.

Затем, громко шмыгнув носом, тоже решила «подлечиться».

Вит согласно покачал головой, отворачиваясь, и я, глядя на дружно жующих Марийку и Глашу, присоединилась к перекусу, не забыв ему предложить тоже полакомиться. Макнула картошечку с лучком в берестяную солонку. До чего вкусно-о!

Как ни странно, но «несравненная» Глафирия довольно быстро и без особых затей помогла Марийке успокоиться и обвыкнуться в нашей маленькой компании княжеских невест. Мы до самого вечера слушали Глашины истории о жизни в клане гиен. Теперь я понимаю тех бедняг, всем миром решивших собрать приданое, чтобы сбагрить это «швартовское яблочко» хоть куда-нибудь. Уверенности в себе и непрошибаемого упорства самой старшей из нас девице было не занимать.

* * *

Красный, полыхающий закат – верный предвестник жаркого денька – расцветил небо яркими красками. Сочная, радующая глаз молодая листва тихонько шелестит на легком ветерке, словно обменивается с ним новостями. По одну руку лес, по другую – река плавно несет свои воды вдаль. Помимо топляка в прибрежных зарослях встречаются хатки бобров, а иной раз и сами бобры – забавные, с перепончатыми лапами и хвостами-веслами. В небе летят косяки перелетных птиц, возвращающихся на гнездовья из теплых краев. И ехать нам вдоль берега еще пару дней.

Мы с Марийкой замерли, словно по команде, и уставились на обнаженного по пояс Романа: зашел по колено в реку и моется, горстями обливаясь водой и довольно отфыркиваясь. Мы невольно залюбовались его ладной, крепкой фигурой, гладкой кожей, под которой красиво перекатываются мускулы – сплошное загляденье. Тем более кот-оцелот не сдерживает свою сущность: выпустил блестящий пушистый хвост из специально скроенных штанов, и тот размеренно ходит туда-сюда, выдавая благостное, расслабленное состояние хозяина.

Заметив нас, Роман выпрямился и приветливо улыбнулся, склонив голову:

– Рад видеть прекрасную травницу и юную красавицу. – Затем, махнув ладонью на реку, почти промурлыкал: – Лу Савери, лу Марийка, присоединяйтесь. Весна нынче добрая, вода освежает.

– Благодарствую, ата Роман, но я до ближайшей крыши потерплю. Только умоюсь, – вежливо улыбнулась я в ответ.

– Здесь берег высокий, руками не достать, давайте я помогу вам спуститься.

Эх, как же приятно, когда тебе выказывает внимание молодой красивый мужчина, даже слово подходящее вспомнилось, подслушанное у приезжих, – «подкатывает». В груди потеплело…

– Какой вы любезный кавалер, ата Роман! – раздался Глашин возглас за моей спиной; похоже, не у одной меня потеплело. А через несколько мгновений она пронеслась мимо в одной нижней рубахе, явно намереваясь с разбегу прыгнуть к мужчине с радостным воплем: – Ловите меня!

«Кавалер» не то от изумления, не то из опасения свалиться под тяжестью крупной девицы, а может, просто не ожидая такой выходки, как-то не по-кошачьи шарахнулся в сторону, на ходу оправдываясь:

– Простите, лу Глафирия, у меня от тряски в седле что-то спина разболелась.

Глаша рухнула в воду, подняв кучу брызг. Вынырнула и, тряхнув головой, разочарованно проводила взглядом спешно выскочившего на берег Романа. Посмотрела на нас и как ни в чем не бывало начала мыться, важно пояснив:

– Бывают в жизни и неудачи. Ну да ладно, хотя бы вымоюсь, раз все равно уже мокрая, и то какая-никакая польза!

Марийка зябко передернулась, подозрительно глядя на хорохорящуюся купальщицу, ведь у нас до середины лета вода холодная, но, услышав очередную поучительную речь, переспросила:

– Это мама или папа подсказал?

– Нет, дедуня. Он старой закалки и воды побаивается, – все-таки начала стучать зубами Глаша, – поэтому в речку полезет лишь по нужде.

– Я смотрю, весело тут у вас, – проворчал Вит, набирая в ведро воды для лошадей и качая головой, глядя на купальщицу с посиневшими губами.

Глаша упрямо сидела по грудь в воде и шумно плескалась, пока, наконец, даже мне, глядя на нее, не стало холодно. Зябко передернув плечами, я позвала ее:

– Глаша, Глашенька, я тебя очень прошу: выходи, а то вода холодная, простынешь еще. А впереди смотрины.

Не то послушав меня, не то пораскинув мозгами, она поднялась. Мокрая рубашка облепила ее тело второй кожей – и перед нами предстала женщина с прекрасной фигурой, просто глаз не оторвать: высокая полная грудь, тонкая талия, округлые бедра, длинные стройные ноги… Вот так подшутила матушка-природа, щедро одарив эту гиену-оборотня роскошной статью и обделив умом и лицом.

Тем временем на берегу собрались желающие поглазеть на Глашину весьма соблазнительную фигуру. А у самой Глаши уже зуб на зуб не попадал. К счастью, пришел коренастый пожилой возница из ее клана, протянул холстину, чтобы она закуталась, и накрыл от нескромных взглядов и вечерней прохлады стареньким потертым зипуном, своим, наверное. Другой возница подхватил Глашину одежду, и они вдвоем проводили ее греться к своему, уже вовсю разгоревшемуся костру.

Затем пожилой оборотень тихо, но строго выговаривал незадачливой охотнице за женихами за неподобающее княжеской невесте поведение, чтобы не позорила их клан перед князем. Ведь поверенный Валиана Северного как пить дать доложит тому о выходке девицы из швартовских. А князь может не простить подобного оскорбления. Сплошное бу-бу-бу…

Слушая злой шепот и глядя на поникшие Глашины плечи, я искренне жалела эту бедовую гиену.

– Так ты в самом деле травница и знахарка? – тихо спросила Марийка.

– Угу, – я рассеянно кивнула, пребывая в невеселых мыслях.

– А ты сама-то князя видала? – не отставала Марийка, заставляя меня очнуться от дум.

– Нет, откуда ж?

– А плат почему носишь? – продолжила выспрашивать шакаленок.

– Вынужденно, – мрачно буркнула я.

Ну не рассказывать же реалии своей жизни чужачке, хоть и вполне милой и приветливой.

– Поэтому и не пахнешь? – весело блеснули карие Марийкины глаза.

– Не пахну… – отделалась я от ненужных откровений.

– Угу, – теперь она кивнула каким-то своим думам и легкой походкой направилась к сопровождающему ее шакалу. Кажется, слишком молодому, чтобы быть надежным защитником для девицы с ценным приданым.

Я оказалась не одинокой в своих сомнениях – зорким ястребом за девочкой и парнем следил Маран, прищуренным взглядом провожая ее тоненькую фигурку и недоверчиво посматривая на него. Потом зло клацнул зубами и направился к реке.

После плотного ужина мы улеглись в кибитке втроем. Только Глаша больше не травила байки за жизнь, наоборот, хмурилась и молчала. А вот Марийка, словно пудовый груз с плеч сбросила, только что не пела.

Глава 8

В детстве от мамы слышала, что кошки встают спозаранку. Ей, конечно, виднее было, особенно когда она меня утром будила, называя кошечкой, любимой малышкой…

Все равно терпеть не могу вставать на рассвете!

Позавтракав остатками вчерашней каши, сдобренной сушеным барбарисом и медом, в полусонном состоянии, с такими же неразговорчивыми, клюющими носами попутчицами, я поплелась к ручью, чтобы окончательно проснуться. Умылась, тщательно причесалась, ведь сегодня к полудню мы должны добраться до столицы нового княжества – города Аверта. Если поторопимся.

По возвращении меня ждал сюрприз, который лучше ведра колодезной воды помог проснуться. И все из-за привычки ходить по лесу в поисках полезных трав, стараясь не нарушать покой зверья, да ботиночки из мягкой кожи помогали ступать неслышно.

Отодвинув полог кибитки, я озадаченно уставилась на Марийку, увлеченно рывшуюся в моей знахарской корзине:

– Ты что там ищешь?

Она испуганно дернулась и злобно зашипела, сжимая в руке пузырек из темного стекла:

– А ты думала, никто не догадается, почему от тебя не пахнет?

– Ты о чем, Марийка?.. – попыталась я напомнить о ее нахальной, если не сказать больше, выходке – дома еще никому в голову не приходило лазить в мои вещи.

– Да все ты понимаешь, я же по лицу вижу, – продолжала злиться девчонка, но голос не повышала, шипела, опасаясь других свидетелей своего непотребного поведения. – Все говорят, что ты сильная травница, и знахарка к тому же. Разве ж такой нужен князь пришлый, да еще с гаремом? Позор-то какой! Все ясно, любезная лу Савери, понятно, почему созрелая кошка до сих пор плат носит и запах прячет. Что я – дура, по-вашему?! И гарем тот княжеский треклятый мне и даром, и за золото ненать!

– Стой! – в панике дернулась я к Марийке, когда она, выплеснув гнев, глотнула из пузырька.

Я прыгнула в кибитку и схватила ее за руку, чтобы залпом не осушила. И только после того, как увидела, что там за отвар хранится, у меня от сердца отлегло.

– Поздно хватились! – усмехнулась чересчур шустрая девчонка. – Я уже спаслась! Кому нужен шакал без запаха? И без таких способностей, как у вас, лу Савери?

Я приложила ладонь ко лбу, чуть сдвигая ленту, удерживающую плат, и облегченно выдохнула:

– Ты что натворила, дурочка?!

– Я себя спасала и плевать на все хотела! – гордо, уверенно заявила Марийка. Ткнула пальцем на пузырек с надписью «Запор»: – Думаешь, я такая же глупая, как Глаша? И не догадаюсь, как ты свой запах перебиваешь?

Теперь я взглянула на нее гордо и уверенно, усмехнулась, представляя, что скоро начнется, и с чистой совестью пообещала:

– Знаешь, придется тебе, умница-разумница, на своих ошибках учиться! Полезно для такой нахалки, чтобы в следующий раз в чужую корзину не лезла и в рот не тащила неизвестно что!

Марийка сперва насторожилась, а потом беззаботно махнула рукой:

– Ой, да ладно пугать-то. Просто ты боишься, что кто-то прознает о твоем секрете. Ну что будет-то? Написано же: «Запох». Ну выпила я немножко кислятины этой…

Тут уж я не выдержала, криво усмехнулась и раскрыла секрет:

– Видишь ли, грамотейка липовая, этот отвар для стариков предназначен. У них частенько живот пучит, да запорами маются. А этот отвар помогает… расслабляет… очищает… кишки болезным. – Пока перечисляла, выражение торжества на симпатичном личике шакаленка сменялось недоумением, сомнением, страхом. – Ошиблась ты, догадливая наша, не «Запах» тут написано, а «Запор». Просто последняя буква стерлась!

Я нашла в кибитке новый глиняный горшок, раздобытый Мараном, после того как первый не выдержал удара о крепкую разбойничью голову, и сунула его в руки Марийке, не без ехидства посоветовав:

– Бери-бери, горюшко, не стесняйся. Дня на два вы с ним сроднитесь ближе некуда, потому что отварчик мой хороший, я плохих не держу, а выпила ты достаточно, чтобы за троих пронесло. Ехать нам с тобой теперь хлопотно будет, зато на смотрины к князю явишься как новенькая, очищенная и благоухающая.

Дальше громкий, рычащий звук, издаваемый Марийкиным животом, был тому подтверждением.

– Ой! – пискнула дуреха, испуганно обхватывая себя руками, и поспешила к пологу.

– Заодно лопухов с собой набери. Да побольше! – крикнула я ей вдогонку.

* * *

Неунывающая и неумолкающая Глаша, не выдержав длительного молчания и заметив трусивших мимо нас на кобыле двух седоков – парня, крепко и бережно обнимавшего девушку, – вернулась к излюбленной теме:

– Маманя сказала, что любовь, она такая, всегда неожиданно приходит…

На другом конце повозки маялась животом Марийка, стыдливо прикрывшись от нас на горшке одеялом, издавая уже изрядно надоевшие звуки, сопровождаемые скверным запахом. Мы с подругой по несчастью дружно уткнулись носами в платки, пережидая очередной приступ.

– О силы небесные! – взвыла я. – Когда же это закончится?

И тут Марийку неожиданно прорвало:

– Сама виновата! – она чуть не плакала, обвиняя меня. – Надо лучше бутылки подписывать! А то путаешь честной народ…

– Это кто здесь честной народ? – возмущению моему не было предела, тем более от вони глаза слезились. Вытерла и ядовито добавила: – Хорошо! Будь по-твоему, в следующий раз подпишу: здесь лежат деньги, а вот здесь, уважаемые воришки, – ядовитые настойки. Смотрите не ошибитесь!

Вит, не оборачиваясь, прибавил свой алтын:

– А что делать не ученым грамоте ворам? Нешто травиться?

Рядом проехал охранник и, заглянув в кибитку через плечо возницы, прорычал:

– Учиться! Да не совать нос куда не следует. А то с такими девицами задохнуться недолго, вон как смердят.

Я хмыкнула: ох и бедовая девчонка попалась, хлебнула едва не половину пузырька, вот и страдает теперь и от поноса, и от стыда. Кто же из-за нее обоз задерживать в пути будет? Да в такое неспокойное время?! Глава обоза, узнав, отчего шакаленок в кустах засела, в лучших традициях отчитал всех налево-направо, мол, свалили на его голову все, кому не лень, своих дур малолетних. А ему сопли вытирай всю дорогу!

Затем, не слушая моих тихих просьб задержаться до завтрашнего утра, приказал Марийке набрать ворох лопухов, подсадил ее, бедную, с громко урчащим животом, в кибитку и рыкнул, что раз мы такие недалекие девицы, дурью маемся, вот и посидим в компании друг друга, авось поумнеем. Я хотела было возмутиться нелестным мнением о себе лично, но, уви-

дев заплаканную Марийку, насупилась и не сказала ни слова. Просто сунула ей другой пузырек для поправки.

Вот так и катили мы полдня: я с Глашей – поближе к Виту, высунувшись наружу, а Марийка – с другой стороны, сидя на горшке и время от времени выкидывая наружу лопухи. На «радость» вознице ехавшей позади телеги и Марану, тихо рычавшему, проезжая мимо, дескать, впервые в столицу, как навозный жук, въезжает. Хотя, честно сказать, к полудню шакаленку полегчало, она даже на корзину со съестным посматривать начала.

Веселая дорога!

Тракт медленно ползет вверх, лениво огибая обрывистые поймы широкой реки, несущей свои воды на север. С противоположной стороны зеленеют поля с озимыми, жадно тянущимися к весеннему солнышку, перемежающиеся с деревеньками и хуторами. Доносится запах печного дыма, свежего хлеба и собачий лай. Наконец впереди показался большой город. Аверт! Не какой-нибудь завалящий Шварт, а столица Северного княжества – вотчины Валиана, почитай.

Раньше здесь вполне мирно уживались сразу три крупных клана: лис, волков и медведей, и связывали их семейства крепкие брачные узы. Но со временем здешние оборотни роднились с другими четвероногими. Вот так и Валиан еще котенком в Аверте появился. Его мать второй раз вышла замуж за медведя – сурового, но справедливого и уважаемого городского судью, который принял котенка леопарда, став ему приемным отцом.

Как говорят, именно хорошее отношение народа к отчиму будущего князя помогло ему взять власть, подмять под себя глав родов, а затем и объединить в княжество. И еще слухи ходят, что собственная семья у Валиана теперь не в чести, запрещено им в столице показываться. Так и живут в дальнем поместье где-то. А всего-то бывший судья пытался вразумить приемыша, чтобы тот не выдумывал с княжеством, с войной опять же. Но молодой леопард, одурманенный сладкими речами заморского змея о безграничной власти, чуть не казнил отчима. Благо мать вмешалась – валялась в сыновьих ногах, умоляла за супруга.

Это нам пожилой енот, возвращавшийся в город с рыбалки, поведал, которому Вит предложил подъехать в нашей повозке, чтобы разжиться новостями. Вот и слушали мы с Глашей и Марийкой новости от авертца, дружно приоткрыв рты от любопытства. А хитрюга песец, по-компанейски пригласивший енота сесть рядом, нет-нет да бросал на меня внимательные взгляды – надеялся, небось, что дурная молва отвратит от князя. На Марийку уж точно повлияла: та сидела тихонько, держась за бортик, и шелохнуться боялась, глаза круглые-прекруглые, все запоминала. Хотя, скорее всего, зелье еще действовало…

Мимо нас проскакал, поднимая пыль, очередной разъезд – наемники Валиана. Все в черных одеждах, с суровыми лицами. Наш спутник-енот неосознанно передернулся при виде их, прижав к голове круглые темные уши и нахмурив белесые густые брови. Черными яркими глазами-бусинами с затаенной ненавистью проводил наемников и выругался:

– Звери безродные!

– А папа говорит… – открыла рот Глаша, собираясь поделиться очередным мнением своего родственника.

Но Вит тут же шикнул на нее и тихонько обратился к еноту:

– Сильно злобствуют?

Старый рыбак лишь кивнул устало, а потом добавил, собрав на лбу глубокие морщины:

– Наш князюшка больно много воли им дал, а они и пользуются. Эх, собрал ведь свои отряды из разного сброда – отчаянного, бывалого, кто без корней, без роду-племени. Кого свои же взашей погнали за непотребство и разбой. Что от таких перекати-поле ждать-то?

– Да уж, рискует князь-то… – согласился Вит.

– Народ пока терпит, – рассеянно ответил наш спутник, провожая глазами пару торговцев на телегах.

Я в очередной раз подивилась: и вправду в столице не заморачиваются старыми устоями. Мужчины не прячут хвосты, по которым можно легко определить, даже не принюхиваясь, не только вид оборотня, но и какие чувства тот испытывает. Пятая конечность частенько выдает мысли хозяина.

– Пока? – Вит заломил седую бровь.

Енот на нас мельком оглянулся, заметил, что Глаша отвлеклась, подтягивая к себе ковер, и тихонько поделился:

– Пока! Бают в столице, в торговых рядах, что слишком много власти в одних лапах – неправильно. Валиан исконные авертовские семейства пытается развалить, боле никому не доверяет, вот и жен из дальних выбирает, хоть и заставил городских своих дочерей тоже привести на смотрины.

– Срамота-а-а… – поддакнул Вит, вновь бросив на меня хитрый взгляд.

На въезде в Аверт обоз остановился у перегородившего дорогу бревна. До нас долетел яростный спор Марана с городской стражей, требовавшей пóдать за въезд, собираемую со всех торговцев. Наш обозный громко втолковывал стражам, что не торговать в столицу едет, а дань князю везет, предлагая им «стребовать подать с его светлости, коль ему поклажу доставили». Судя по злобным лицам служивых, поднявших бревно, Маран спор выиграл.

Вскоре мы ехали по столице мимо первых домов, где и попрощались с разговорчивым енотом. Улицы здесь широкие, задуманные так, чтобы две телеги спокойно разъехаться могли. Видно, что с умом город строили в свое время. Дома даже на окраине добротные, с двускатными черепичными крышами. Жители снуют мимо, все занятые, хотя и праздно прогуливающихся достаточно. Мы с Глашей, будто зачарованные, таращились на окружающий люд. Кого здесь только не было: и нарядные девчонки-лу, и более степенные амы, и солидные аты в сафьяновых сапогах, широких штанах и плотных кафтанах, свысока поглядывающие на тех, кто попроще и победнее. Юркими сурками сновала ребятня, кричали лоточники, расхваливая свой нехитрый товар.

Неожиданно к нам подъехал Маран и сунул мне в руки большой туес с еще теплыми пирожками. Красота!

– Благодарствуйте! – восторженно выдохнула Глашка, сцапав верхний пирожок.

Маран смерил ее необычно внимательным, оценивающим взглядом, долгим таким, о чем-то раздумывая. Не знаю, может, мужчины умеют читать мысли друг друга, а может, думают об одном и том же, но Вит, глубокомысленно хмыкнув, предложил:

– Ну да, приодеть ее покрасивше, глядишь, на тело бы и купился… такая краса пропадает.

Возничий переглянулся с обозничим, и оба понятливо ухмыльнулись.

– Пойду поспрошаю, кто в долю войдет, – неожиданно весело сказал Маран и приотстал.

Затем донеслись голоса соклановцев:

– Я в доле!

– И я! У меня тоже молодая жена и, может, скоро понесет…

– …А если ее приодеть, может и повезет: западет.

Сжавшаяся в комочек Марийка, до этого даже икнуть боявшаяся, сразу навострила уши и встрепенулась, правда, тут же вспомнила про живот. Замерла на миг и, подглядывая в щель за полог, внимательно прислушивалась к разговору за кибиткой. Глаза у нее хитро блеснули – явно что-то опять задумала, как только отлегло.

Мы огибали пеструю, шумную, гудевшую сотнями голосов торговую площадь, густо заставленную лотками, шатрами, палатками. Пересев к Виту на козлы, я крутила головой по сторонам, старательно подмечая каждую мелочь, улавливая звуки большого незнакомого города – уж больно интересно здесь! Необычно! Поймала себя на том, что поколачиваю кончиком хвоста по юбке, не в силах справиться с уймой впечатлений. У Глаши, выглядывающей

из-за моего плеча, тоже уши дергаются то вправо, то влево, и глаза разбегаются, и рот смешно приоткрыт.

Мимо проскакали «черные» наемники, народ ринулся врассыпную, чтобы под копытами не сгинуть. Песец рядом со мной заворчал, проклиная бездушных вояк.

– Сколько мужиков… свободных, – восторженно ахнула Глаша.

– Вот глупые бабы, – проворчал Вит.

Я глазела вовсю. Открыто, как ребенок на ярмарке. Почему, ну почему в моей долине и окрест запрещается показывать свою звериную суть, а здесь, в столице, – нет?! Вон кругом мужчины не прячут хвосты, широко улыбаются, показывая клыки, а когтями порой пользуются вместо ножа.

Слева, вдоль длинного торгового ряда с одеждой, толпилось особенное множество народу. Обоз остановился, но Вит не насторожился, словно ожидал этого. Скоро пришел Маран. Причем заглянул в кибитку со стороны козел. Видимо, помнил, что с другой время от времени вылетают наружу использованные лопухи. Хмуро глянул на недоуменно уставившуюся на него Глашу и распорядился:

– Лу Глафирия, пойдемте, мы вам там подарочек к смотринам приготовили. На память!

Я слегка удивилась: с чего бы нашим волкам гиене подарки дарить?

А вот Вит, поморщившись, предложил:

– Может, лучше завтра займемся этой красотой?

– Я завтраки не люблю – предпочитаю ужины. Желательно с мясом, – по-деловому отрезал Маран. – Пойдемте, лу Глафирия, время не ждет, дел еще пропасть.

Глаша, как настоящая красна девица, смущенно опустив взгляд долу, спрыгнула с телеги и привязанным теленочком засеменила за Мараном. Наш длинный обоз ощетинился бдительной охраной – ворья на базаре всегда хватает. Я тоже увязалась за ними на свежий воздух да после целого дня мучений, хоть ноги размять да на товар посмотреть. Следом за мной пристроились личные охранники, которые с самого первого дня глаз с меня не спускали. К кибитке тенью скользнул парнишка – возница, правивший телегой шакалов. Захотел наведаться к «хворой» подопечной? Вряд ли их встреча будет приятной!

Но в следующий момент я потеряла интерес к шакалам, поскольку Маран подвел Глашу к первым же лоткам и с парой помощников начал быстро отбирать наряды… для Глаши. Они с таким азартом прикладывали к ней то один сарафан или рубаху, то другой, что у меня в глазах зарябило и голова кругом пошла. Хорошая, новая одежда, даже не слишком дорогая, все достоинства Глашиной фигуры выкажет. Сама же она никак не могла поверить, что получит дармовые наряды, и с блестящими от восторга глазами выполняла каждый приказ волков: крутилась, вертелась, трясла волосами. А они, обступив ее, громко обсуждали каждую обновку, будь то рубашка, платок или гребенка.

Задумку наших хитрецов я поняла: гиену решили принарядить, прикрыв некрасивое лицо кружевным тюлем, чтобы привлечь внимание к женственной, покоряющей любой мужской взгляд фигуре. Чтобы она могла со мной соперничать. Причем даже денег своих не пожалели.

Маран поймал мой грустный взгляд и замер напротив, сверля меня темными внимательными глазами.

– Надо же! Сколько заботы, а вернее, хитрости и уловок, чтобы чужую девицу пристроить. Почему же вы мне не могли помочь? Не защитили, когда брат держал словно заложницу, наказывая за лишний глоток свободы! – с горечью прошептала я. – Вы сильные, умные, вас много, а Амаль не всесилен…

Закончить не смогла, горло от обиды перехватило. Маран нахмурился, помолчал, раздраженно дернул плечом, будто сбрасывая ненужную тягость, кивнул одному из наших волков,

который прозрачный платок к Глашиной голове приложил, подбирая к цвету ее кожи. После неохотно ответил:

– С Амалем тебе угроз гораздо меньше, нежели во дворце у Валиана! Сейчас ты этого не понимаешь, но скоро разберешься. Главное, чтобы не поздно было. Я согласен, порой твой брат суров без меры, но со временем все одно изменится. Либо смягчится и пойдет навстречу тебе, признает твои желания, либо… изменится… что-то другое. В жизни нет ничего постоянного, все меняется когда-нибудь.

Задрав голову, я смотрела на мужчину и словно коркой льда покрывалась. Выходит, меня вернут Амалю, и буду я свой век служить клану верой и правдой, напрасно ожидая, когда жизнь изменится к лучшему. И может, мне позволят жить своей жизнью когда-нибудь. А Амаль либо сойдет с ума и затравят его, как бешеного пса, либо сжалится надо мной и выдаст за того, кто выгоден ему. Ни о какой свободе, мечтах и любви речь не идет. А как же дети? Счастье для меня?

Я вымученно улыбнулась и кивнула, но Маран уже отвернулся. Тяжело выдохнув, тоже отвернулась. Зевак, привлеченных необычной круговертью возле одной-единственной девицы, становилось все больше и больше.

– Вот правду говорят, что жизнь не в радость, если морда в тягость, – прозвучало ехидное словцо из толпы, когда на пару мгновений Глаша показалась с открытым лицом.

Я нахмурилась: она уж получше некоторых насмешников и счастья заслуживает более других.

– А кого это наряжают-то? – раздавалось отовсюду. – Чья деваха?

Толпа быстро увеличивалась, на пятачке у выбранного нами лотка стало совсем тесно.

Маран открыл рот, чтобы послать всех лесом, но тут один из наших волков рыкнул:

– Ты на кого пасть открыл? Это главная князева невеста!

У Марана словно ком в горле застрял и глаза слегка округлились. Тут шутку подхватил другой соклановец:

– Да за ней такие дары дают, что вашим столичным бабам и не снились.

Глафирия, покрывшая тюлем голову, скрывшим ее лицо, чувственно повела округлым плечиком, отчего в незашнурованном вырезе рубахи показалась глубокая ложбинка между полными грудями.

Вокруг нашей компании было уже не протолкнуться. Слух о богатой, красивой, знатной невесте князя, которую целый отряд наемников одевает, распространялся по торговым рядам лесным пожаром. И Маран с товарищами немало способствовали тому, бойко нахваливая Глашины стати в нарядах, которые становились все ярче и привлекательнее. А сама гиена – все счастливее и довольнее, если судить по плавным, танцующим, игривым движениям.

В какой-то момент меня отодвинули за два лотка от сопровождающих, затем я наткнулась на кого-то спиной. Оказалось, на того же парнишку-шакала. Он расплачивался за полный набор мужской одежды. Вернее, чуть ли не детской, рубашка ему точно маловата будет, разве что на Марийку налезет…

Пока я рассеянно смотрела на товар, парень суетливо забрал покупки и растворился в толпе, продолжавшей собираться вокруг моих волков и Глаши. Раздавались все более скабрезные шуточки в адрес князя и его невесты. Народ откровенно развлекался, как на ярмарочном представлении, а мне бы к своим пролезть.

– Чего желаете, милейшая лу? – обратился ко мне пожилой торговец, лис с когда-то рыжей копной волос.

Я невольно обратила внимание на простого кроя, незатейливые, но добротные штаны, рубахи, жилетки, шапки и шляпы с прорезями для ушей. И вдруг как будто что-то толкнуло меня изнутри, какая-то мысль, обдумать которую мешал шум-гам.

– Мне бы мужскую одежду, целиком одеть такого парня, как я, – сипло от волнения попросила я приветливо улыбавшегося лиса, – и рыбацкую кепку с шейным платком. Хочу подарок брату сделать.

С опаской обернулась, отыскивая глазами своих спутников, пока торговец складывал мои покупки. Тот ловко свернул вещи, связал бечевкой и отдал мне, получив положенную плату. Кажется, меня провели на цене, потому что я забыла спросить, что почем. Да и зачем мне нужна мужская одежда, тем более во дворце? Но в сверток я вцепилась крепко и старательно прикрыла его юбкой. Мои охранники наконец-то откуда-то просочились, слегка напугав, и окольными путями проводили к обозу. Сердце гулко стучало в висках, словно я совершила что-то запретное, но кровь быстро бежала по венам, а губы сами собой расплывались в улыбке.

Я сама все решу! И никто больше!

Вит обернулся в тот момент, когда я положила свои тайные покупки в сундук. Марийка, кажется, тоже не заметила моего волнения. Она вообще дремала, свернувшись клубочком.

Но громкий голос Марана заставил меня вздрогнуть. Подсадив Глашу с обновками в телегу, он объявил:

– Сейчас на постоялый двор вас завезем, а потом доставим поклажу с ата Романом во дворец и узнаем, что дальше делать. Нужно ли еще чего везти.

Ясно, надеются, что князь передумал жениться на данницах.

Глава 9

Маран не поскупился: верно, меня задобрить захотел, чтобы помогла отвадить от себя князя и вернулась в клан, а может, Амаль приказал, – привез нас в большой, сразу видно, хороший столичный постоялый двор недалеко от торговых рядов. Длинный домище на два входа, двухъярусный, с затейливыми резными подзорами, наличниками и ставнями, нарядным крыльцом, коньком на высокой крыше, тоже сработанным искусно, – хоромы, одним словом. Вывеска так и вовсе с коваными завитушками и едва не аршинными буквами гласит: «Логово большого лиса». И лошади тут, и повозки, и даже кареты – невидаль в наших краях – не чета встречавшимся в дороге. И постояльцы здешние не в пример тем – весьма состоятельные. И прислуга у них не абы какая, а как на подбор.

Нашу кибитку загнали под навес, а телеги с данью двинулись ко дворцу на горе. Нас, будущих невест, оробевших и притихших, отправили в этот большой дом. В котором тепло и чисто, и так вкусно пахнет мясом, хлебом и прочей вкуснятиной – не передать словами, да еще после походных «разносолов». Сглотнув слюну, я понадеялась, что за ужином долго дело не станет.

Один из моих охранников оплатил постой и отнес в светлицу на втором ярусе дорожные сундуки – хвала Луне! – предназначенную мне одной! А вот Глашу с Марийкой поселили в соседней вдвоем. Не успела толком осмотреться, дюжий коридорный, к моему восторгу, принес бадью и наполнил ее горячей водой, где вскорости все обиды и неприятности утонули вместе с целебными пахучими сборами. Усталость как рукой сняло!

«Кр-р-расота-а-а!» – проурчала я довольной кошкой и рухнула на широкую, крытую ковром лавку. Развалилась, любуясь свежей, беленой, вышитой листочками-ягодками, дареной рубахой, наслаждаясь ощущением благоухающей чистоты и добротного дома. Не успела подумать, чем займусь дальше, раздался негромкий стук. Следом дверь распахнулась, являя Глашу. Она непривычно робко помялась на пороге, не решаясь переступить:

– Можно к тебе?

– Входи, – благостно разрешила я, – да закрывай скорее, видишь – не одета.

– Благодарствую за приглашение! – Глаша быстренько захлопнула тяжелую дубовую дверь и, обернувшись ко мне, словно в омут с головой бросилась: – Лу Савери, помоги мне, пожалуйста! Не откажи, я же знаю, что ты добрая и жалостливая.

– Смотря чем? – заинтересованно улыбнулась я, прикидывая, что бы на себя накинуть, а то в нижней рубахе неловко.

Моя гостья, убедившись, что не прогоню, сразу повеселела и заискивающе затараторила, трогательно сжимая по-мужски крепкие кулаки перед полной грудью:

– Хоть чем-нибудь! Мне бы совсем чуть-чуть, капелюшечку прихорошиться бы, да не знаю как. А здешние амы, хоть мужние, хоть незамужние, видала, как ходят? Чисто тигры! Где мне с ними тягаться.

Бедная швартовская гиена словно в драку с самой судьбой за счастье приготовилась броситься. И я неожиданно заразилась ее воодушевлением, бесхитростным и жарким желанием добиться лучшей доли.

– А давай! – согласилась я, поднявшись с лавки и накинув на плечи большую шаль. – Отчего бы не попробовать!

– О-о-о… – радостно выдохнула Глаша, теперь уже молитвенно сложив большие руки и преданно глядя на меня.

– Так, нам нужно золы немножко…

Договорить не успела – она стрелой подлетела к печи и, разворошив кочергой угли, ловко сгребла кучку золы на совок и аккуратно поставила на пол остывать. А я тем временем начала

ворошить свои запасы, выкладывая на стол все потребное для наведения красоты. Затем мы уселись на лавке друг напротив друга, и я начала «волшбу».

– Красота писаная! – вырвалось у меня с веселым хихиканьем, когда я «полюбовалась» на Глашу, облепленную по самую грудь разными кашицами, чтобы кожа сияла здоровым румянцем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.